Ник ПЕРУМОВ

МИРЫ

Юлия Рыженкова

ХАЛТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Миры Упорядоченного

Юлия Рыженкова

Халт

«Эксмо»

2013

Рыженкова Ю.

Халт / Ю. Рыженкова — «Эксмо», 2013 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-699-66502-0

Одни считают, что в жилах Халта течет голубая кровь, другие называют его «понаехавшим мажором». Отец пытается вылепить из него человека, как он это себе представляет. Орден Хедина и Ракота настойчиво намекает, что Халту придется стать героем. Скорее всего, посмертно. А Халту хочется лишь одного: чтобы его оставили в покое! Но воину из Пророчества не суждено обрести покой, и Халт попадает в круговорот политических интриг, битвы между Хаосом и Равновесием, борьбы за свободу и, конечно, любви. Ему придется на каждом шагу выбирать, чем жертвовать и кого защищать. Ведь он должен быть достоин своего великого предка Хагена…Новая битва за Упорядоченное в проекте «Ник Перумов. Миры»!

ISBN 978-5-699-66502-0

© Рыженкова Ю., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие Ника Перумова 6
Пролог 8
Часть 1 10
Глава первая 10
Глава вторая 18
Глава третья 24
Глава четвертая 31
Глава пятая 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Ник Перумов, Юлия Рыженкова
Халт

© Рыженкова Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие Ника Перумова

Легко и приятно быть воином. Просто воином, с простым и честным мечом у пояса. Нет нужды в лишних умствованиях, а достоинство твоё определяется числом убитых врагов. А если срубили в бою тебя – что ж, павшего со славой ожидает Валгалла или иное место, где с почётом принимают убитых в сражении, если они не праздновали труса.

Куда хуже, тому, кто воин лишь по необходимости. И притом не по той, что поднимает целый народ на защиту родной стороны от нагрянувшего врага, а по необходимости рождения.

От тебя ожидают воинской доблести, храбрости, силы, жестокости. А у тебя её нет и взять неоткуда. За тобой – поколения благородных предков, и благородных не только по названию.

Таков и наш герой. Знакомьтесь – Халт. И не просто Халт, сын Глойфрида, но Халт Хединсейсий, потомок знаменитого Хагена, ученика самого великого Хедина, Нового Бога, одного из двух правителей Упорядоченного.

Он прекрасно знает, что в сущем есть куда более приятные места, чем суровый Хьёрвард. И совсем не рвётся обратно с нашей Земли, где нет магии, но зато есть водопровод, канализация и электричество. От отца наш герой, если честно, попросту сбежал; и ему сейчас не до героических подвигов. Тем более, что он, увы, совершенно не герой и ни в чём, абсолютно, не походит на своего героического предка. Разве что умеет немного лечить магией…

Сбежав от строгого отца в закрытый мир, мир, лишённый магии, где его невозможно – как ему казалось – будет разыскать, Халт решает, что наконец-то обрёл если не счастье, то его подобие – из него никто не пытается ничего «сделать». А значит – можно ходить по ночным клубам и знакомиться с доступными девушками.

Да, первый Хаген Хединсейский, основатель рода и ученик Хедина, лишь презрительно сдвинул бы брови, едва взглянув на такого потомка.

Водоворот событий, в которые попадает наш герой после этого, казалось бы, должен «сделать из него мужчину», но такое получается легко и просто лишь в сказках. Сила и умения не явятся из ниоткуда, даже упорные занятия ничего не гарантируют. Есть только один выход – отыскать свой собственный талант.

И даже дело «спасения мира» поначалу кажется лишь досадным источником самых разнообразных неприятностей, а отнюдь не дорогой, пусть и трудной, к заветному «искусству воина».

В войне с Хаосом нужно множество мечей, с этим никто не спорит. Но храбрецов, готовых заградить путь служителям разрушения, хватает; ведь именно в этом суть воинской доблести. Куда сложнее найти правильные слова.

Сила Хаоса – не только и не столько в его последователях, соблазнившихся перспективой лёгкого исполнения желания, как правило, достаточно немудрёных – власть, деньги, могущество, и снова власть. Сила Хаоса – в умело подобранных словах, позволяющих объяснить колеблющемуся, что на самом-то деле желает он именно денег или почестей, а вовсе не чего-то ещё, «ненастоящего» и «нереального». И далеко не всегда эту силу Хаоса можно остановить простыми и честными мечами.

Дорога ведёт незадачливого Халта, как говорится, из огня да в полымя. Он оказывается на безумном Аррете, двойнике Терры, вселенской свалке, где встречный готов убить за пищу – до такого ожесточения дошли там сердца обитателей этого мира.

И наш герой, увы, лепит ошибку за ошибкой, на него не сваливается с небес неведомая мудрость и способность разбираться в людях. И даже цель его там вполне эгоистична – вернуться «домой», на Терру, где нет никакой магии и можно, наконец, забыть обо всём пережитом. Ну, или… почти обо всём.

Но за спасение приходится платить покоем. Слуги Хаоса не дремлют, и беззаботно развлекаться уже не получается. Не получается сказать «меня это не касается». Слова, бессильные и пустые, вдруг обретают над нашим героем странное могущество.

Не буду пересказывать сюжет, замечу лишь, что главный бой Халту предстоит выдержать отнюдь не с монстрами, не с чудовищами и даже не с адептами Хаоса. Ему предстоит померяться силами с собственным предком, великим Хагеном, но поединок этот окажется отнюдь не состязанием в силе и ловкости.

Халт Хединсейский должен доказать прежде всего себе, что может стать воином. Из тех, чьё оружие – слово.

Пролог

Песок захрустел под черными сапогами. Горячий, напитанный солнцем, он заполнял весь гигантский деревянный поддон, ссыпаясь с краев на сухую, потрескавшуюся без дождей землю.

Поддон едва слышно скрипнул, когда сапоги двинулись по песку к самому центру. Край черного плаща смахнул песчинки с высоких голенищ; на мгновение тень накрыла песок, нарисовав серый угол на золотом море.

Шаги замерли, и песок принялся вальяжно засыпать следы. Казалось, что некто в черном пришел сюда, в центр этой рукотворной дюны, не пару мгновений назад, а многие сотни лет. И все эти годы песок под его ногами слышал то же, что и сейчас. Свист бича, окрики, стоны и приглушенную брань на каком-то варварском рычащем наречии и едва различимый шелест горячего ветра.

Засеменили босые ноги с длинными когтями. Рядом с сапогами появились несколько ведер. Из одного выплеснулась пригоршня воды, и песок жадно принял это нежданное подношение. Босые ноги засеменили прочь.

Тихо, нараспев властный мужской голос начал произносить незнакомые слова заклинания. Вода напитывалась чужой силой, меняла свои свойства, тяжелела. Песок под ведрами проседал все сильнее и стремительно охлаждался. Над ведрами повисла серая дымка. Но вот заклинание оборвалось, и вновь несколько пар кривых волосатых ног хрустко засеменило. На дужках ведер сомкнулись волосатые пальцы, и песок вздохнул с облегчением, когда ведра перестали давить на него своей ледяной тяжестью.

Черные сапоги спрыгнули с поддона на землю. Чья-то обезьянья нога скользнула по краю поддона, и ведро, грохоча, рухнуло, выхлестнув заклятую воду. Свист хлыста оборвался о спину, и снова, и снова.

Тем временем на песок полился дождь, хотя на небе не появилось ни облачка. Тяжелая вода обволакивала песчинки, отдавая им свою силу, охлаждая и меняя их. Когтистые полуруки-полулапы, щедро оросив песок, аккуратно перегружали его на телеги, а там уже человеческие руки заботливо накрывали полные телеги тентом, подтыкали со всех сторон, чтобы, не дай бог, не просыпалась ни одна песчинка. Нетерпеливо переступающие лошади, новый удар хлыста, ржание, и песок отправился в свой последний путь. Голая, пустынная степь с глубокими ранами песчаных карьеров и длинной чередой сутулых лохматых рабов, бредущих туда, куда ведет их тонкий ручеек цепи, сменилась городской стеной. Дорога проходила вдоль реки, огибала торговый квартал и упиралась в запертые высокие ворота. Гортанная лающая речь, так не похожая на певучий голос заклинателя в черном плаще, звучала неприятно, но обладала своей, неведомой властью: открывала проходы.

И вот уже короткие гномьи руки, больше привычные к кирке и молоту, под гортанные крики грубо, не церемонясь, срывают тенты, разгружают телеги и посыпают песком полы. Множество разных ног и лап топчут его. Уже не заколдованную чистую воду и горячий солнечный свет, теперь песок вбирает в себя мочу, пот и время от времени буроватую жидкость, едва пахнущую железом и страхом. Песок покорно впитывает все, лишь изредка тихо шипя, когда его касается раскаленное тело какой-то чудовищной твари.

Лишь несколько возов еще не касалась ничья рука, нога или лапа. На них песок, которому суждено покрыть Арену. Его нагревает солнце, освещают звезды, но наконец приходит и его час. Сначала на него ступают босые человеческие стопы с тонкой кожей. Жар песка обжигает их, непривычных ходить без сапог, впиваются песчинки, но это неважно, потому что с другой стороны на медовый песок ступают мягкие белые львиные лапы. Шаг, другой, задние лапы сжимаются как пружина, и все четыре отрываются, приземляясь после прыжка рядом с чело-

веком. Тот пытается пропеть заклинание, выпуская магию и вскидывая меч, но уже поздно: ярко-алые капли веером ложатся на бледно-желтый песок, раздается хруст костей и довольное урчание. Сотни голосов взрываются в восторженном крике. Безумству трибун вторит торжествующий рык, переходящий в возмущенный и гневный клекот. Неразличимая серая дымка ползет над песком, превращаясь в незримое зеркало, в котором отражаются тысячи искаженных жадным восторгом лиц, высокое синее небо и черный шар на вершине белой колонны.

Сила воды, переданная песку, просыпается.

Часть 1
Антракас

Глава первая

– Эй, соня, подъем!

Халт с трудом разлепил один глаз, но тут же закрыл его – солнце било нещадно. Впрочем, он успел разглядеть Ториона Гримсона.

– Ты как тут оказался? – спросил он, потягиваясь.

– Дверь надо на ночь запирать! А то не только я тут окажусь. Рискуешь вообще не проснуться.

– Посмотри, есть чего пожрать? – Халт кивнул на стенной шкаф. Гном открыл дверцы.

– Тут сухарь какой-то.

– Дерьмо, – вздохнул Халт. – А ты чего не в шахте?

– Я сегодня в ночь. Кстати, по этому поводу и пришел. Я поговорил с ребятами, объяснил ситуацию, и, в общем, они не против. Приходи в «Новый Квершлаг». Вот как раз сегодня ночью можно и начать.

– Замечательно. Мне бы только водички попить, и могу начать что угодно.

– Ну, водички у тебя тоже нет. Ниче, Драга тебя накормит и напоит, – ухмыльнулся Тори.

– Кто такая Драга?

– Я ж тебе о ней рассказывал! Полугном. Еще и маг неплохой.

Халта как током ударило. Остатки сна мигом испарились. Маг! Об этом Тори не упоминал.

– Я готов, пошли знакомиться! Она молоденькая? – подмигнул он, вылезая из постели.

– Ого, как заговорил! Нет уж, неча наших баб тискать! У вас своих хватает! – шутливо погрозил пальцем гном.

– Да где ж их найдешь в гномьем районе? Приходится с гномихами заигрывать. Кстати, все хотел спросить: каковы они в постели?..

Так с шутками, подтрунивая друг над другом, они вышли на улицу. Драга жила на самой границе района, но по пути они так и не успели выяснить, какие женщины лучше: гномьи или человечьи.

– Заходите-заходите, милые мои, – поманила чуть полноватая невысокая женщина лет за пятьдесят, от которой пахло молоком и свежим хлебом. Она казалась домашней, своей, и Халт понял, отчего Тори, описывая Драгу, все время называл ее доброй. Невозможно представить, что она способна на подлость.

Драга засуетилась, выставляя на стол еду. Тут были и оладьи, и сырники, и сметана, и хлеб, и еще много всего.

– Эй, хочешь, чтобы мы стали колобками? – попытался остановить ее Торион, но Драга цыкнула:

– Посмотри на своего друга! Былиночка!

И Халту:

– Кушайте, не слушайте этого озорника.

Халт свои семьдесят с лишним килограммов ни за что не назвал бы былиночкой, но знал, какое впечатление производит. Светло-русые, почти соломенные волосы, отрастающие быстрее, чем он появляется у цирюльника, большие карие глаза в обрамлении пушистых длинных ресниц, которые его кузен называл «лошадиными», минус рельефные мышцы – все создавало

впечатление не грозного воина, а хлипкого печального мальчика, хотя он уже давно не подросток.

Впрочем, сейчас он не возражал. Есть хотелось зверски. Пока уплетал за обе щеки, Тори рассказывал Драге о гномьих делах, а затем и о Халте.

– Халт согласился помогать «Сопротивлению», – добавил гном. – Так что, думаю, вам полезно поговорить.

– Что ж, милые мои, я хорошим людям всегда рада. Как и хорошим гномам и любым другим созданиям, – улыбнулась Драга, пододвигая гостю сметану.

– Вон, Халт пытается разузнать что-то о магических выбросах в нашем городе. Я, понятное дело, тут ему не помощник. Терпеть не могу магические разговоры. Чувствую себя неотесанным деревенщиной, – пробурчал гном. – Может, ты чего знаешь?

– Не знаю… В городе, сколько себя помню, всегда был высокий магический фон. Заметно выше, чем в других местах. Даже когда город еще гномам принадлежал – а ведь всем известно, что гномы к магии не способны. Но ничего плохого от этого никогда не случалось, и окрестные маги просто стали считать это местной странностью. А кто еще обнаружил выбросы?

Халт промолчал: ему не хотелось говорить об Ордене в присутствии гнома. Тот это понял и, пробурчав, что подышит свежим воздухом, вышел.

– Слышала об Ордене Равновесия? – прямо спросил Халт.

Драга кивнула.

– Я прибыл сюда с Терры по просьбе адепта этого Ордена. Они недавно обнаружили всплески, причем довольно сильные. Один маг погиб, пытаясь выяснить, что тут происходит.

– Ох, Хедин всемогущий! – только и вымолвила Драга.

– Любая информация будет для меня полезна, даже та, что кажется тебе неважной.

Синие глаза женщины снова встретились с его карими и, казалось, проникли в душу. Халт не знал теперь, сколько Драге лет – ведь она помнила времена, когда город принадлежал гномам, а это было около сотни лет назад.

– А ведь ты не обычный парень, каким пытаешься казаться, – наконец, ответила она. – Кто ты?

– Я с Хьерварда. Подробнее не хотелось бы рассказывать.

– Хорошо. Я поспрашиваю у местных. Чего узнаю – расскажу.

И, потеряв всякую серьезность и деловитость, прокричала Ториону:

– Озорник, где ты там шатаешься?

Всю обратную дорогу гном и человек обсуждали, благо для живых существ магия или зло.

– Зайду к тебе на закате, – на прощание сказал Тори. – А то потеряешься, побьет еще кто-нибудь по дороге. А это исключительно мое право!

Это стало уже их шуткой: с драки Халта с Тори началось их знакомство.

Халт шнырял по городу как голодный волк, выискивая информацию, но без толку. Его бесил этот отсталый мир, где нет водопровода, горячей воды, канализации и центрального отопления. А еще телевизора, телефона, круглосуточного заказа пиццы на дом и любимой текилы. Какой бес дернул его согласиться на задание Ордена и отправиться сюда? А ведь все только начало налаживаться. Он нашел прекрасный развитый мир, который местные называли Землей. Да, пусть там невозможна магия, но что с того? Зато не нужно выходить на двор, чтобы облегчиться. А главное, его никто там не доставал, особенно отец. Халт мог шляться по барам, встречаться с девушками и веселиться. Подумать только, у него была собственная квартира в центре Москвы и машина! Да, пусть на отцовы деньги, но папочка не обеднеет. А здесь? Ни денег, ни друзей, ни сортира. И непонятные перспективы. Точнее, реальная перспектива быть обнаруженным отцом и получить форменный скандал.

– Это наш район, убирайся!

Халт оценил ситуацию. Пятеро против одного. У каждого в руке нож, за поясом топор. Шансов ноль. Тут же стало понятно, почему снять квартиру в этом районе в полтора раза дешевле.

– Ты слышал меня, ублюдок? – Главарь сделал шаг вперед, демонстративно поигрывая ножом.

– Я тут тоже живу! – Сын Глойфрида надеялся переключить их на разговор, но сам не верил, что это получится, так что потянул меч из ножен.

Гномы загоготали.

– Ты не живешь тут, а хату сымаешь. Большая разница. Сымай ее где-нить в другом месте. А это гномий район!

Лидер был на полголовы выше своих товарищей и выглядел грозно, несмотря на рост всего в полтора аршина. Гном двинулся на чужака. Его дружки медленно начали обходить парня справа и слева, в надежде взять в кольцо. Халт понял, что драки не избежать.

– Эй, братаны, я не хочу ничего плохого. Я вас не трогаю и вы меня не трогайте!

– Гоблины тебе братаны, – сплюнул главарь. – А трогать будешь девок за задницы.

Халт попятился. Улица позади него была пуста. Помощи ждать не приходилось. Путей отхода никаких. Место оказалось глухое: с обеих сторон только каменные стены домов, глухие, серо-зеленые от времени и сырости, только высоко маленькие окошки с закрытыми ставнями. Халт едва не наступил в кучу нечистот, отчего жирные мухи, гудевшие над ней, облаком метнулись в сторону. Но, не видя серьезной угрозы со стороны затравленно озирающегося парня, вернулись к месту пиршества. Улица оканчивалась темным проулком, заваленным мусором и каким-то прелым тряпьем. Тупик. Гномы нехорошо ухмылялись, наступая на загнанного в угол чужака.

Сын Глойфрида забрел сюда случайно: не разобрался в хитросплетениях улочек и решил срезать. А тут эти… «Срезал, блин», – подумал парень.

– Хорошо-хорошо, я уеду. Завтра же.

Гномы снова загоготали.

– За дурачков нас держишь? Ничего, щас тебя разукрасим, тогда будем уверены, что съедешь. Как очухаешься, так сразу и съедешь. Если очухаешься.

Халт знал, что местные делают с «понаехавшими» во всех мирах, будь они хоть люди, хоть гномы, хоть эльфы, – впрочем, надо честно признать, что ни одного эльфа-гопника он не встречал. Заозирался и увидел палку, придавленную деревянными ящиками. Не ахти какое оружие, но все же подспорье. Выдернул ее из помойной кучи, влетев рукой в какую-то вонючую дрянь. Но палка, к счастью, оказалась крепкой и достаточно длинной. Ругнувшись про себя, встал в боевую стойку, как учил отец: меч в правой руке, палка, выполняющая сейчас роль щита, в левой.

С криком «Проучим засранца!» все пятеро кинулись на него. Халт защищался, размахивая палкой и стараясь не подпускать гномов, от особо ловких отбивался мечом. Сердце бухало, перегоняя кровь, наполненную адреналином. Крутиться приходилось как взбесившейся секундной стрелке – он еле успевал отражать атаки.

Пронзительный свист заставил гномов забыть о своей жертве.

– Вссем осставатьсся на месстах! Вы арресстованы! – повинуясь окрику, они на миг замерли. Халт отпрыгнул подальше и прижался к стене. Меж домов, перекрывая дорогу, стоял отряд гоблинов в форме стражников Антракаса: черные штаны и куртка, шипованные металлические наручи и поножи. На груди – кожаные доспехи с нашивками патруля, в руках – мечи.

– Смерть лягухам! – заорал гномий главарь, вскидывая топор.

– Смерть! – откликнулись его товарищи.

Гномы обрушились на патруль, как волны на каменный берег, яростно и шумно. Стражи было чуть больше, но гномы сражались отчаянно. Халт сделал все, чтобы стать невидимым: укрылся за самой дальней и большой кучей мусора, загородившись какими-то сломанными стульями, коробками и прочим хламом. Вонь тухлой рыбы и гнилых овощей казалась невыносимой. Мухи облепили его, пытаясь чем-нибудь поживиться, ползали по губам, лезли в глаза. Но Халт замер, не позволяя себе шевельнуться.

Бой был примерно равный. С обеих сторон уже были убитые, и теперь трое гномов противостояли четверым стражникам. Для гопников они на удивление хорошо владели топорами. Вот один бородач поднырнул под удар гоблина и снес ему голову. Другой оказался за спиной противника и рассек его наискось, однако сам подставился под удар. Меч гоблина распорол ему брюхо, бородач упал, на землю сизой грудой вывалились гномьи потроха. Через пару минут на улице оставались только остатки гоблинского патруля да раненый главарь гномьей шайки. Он хрипел, закрывая ладонью рану в левом легком. Но в правой руке все еще сжимал нож и не собирался сдаваться.

Халт взвесил шансы. Если победят стражники, а к тому идет, то его, скорее всего, арестуют. Городская стража нигде не разбирается, кто прав, кто виноват, и его наверняка загребут как гномьего сообщника, сколь бы глупо это ни звучало. В лучшем случае – на десять-пятнадцать суток. В худшем… неизвестно. Если же выиграет раненый коротышка, ему, скорее всего, будет не до приезжего.

Халт закрыл глаза, сделал глубокий вдох и выдох. Почувствовал, как из кончиков пальцев вытекает энергия. Ощутил крепкое тело гнома, будто ощупывал его: тугие рельефные мышцы, жесткая кожа… а вот и раны. Прорубленная грудь гнома исходила кровавой пеной. Левое легкое сжимается, заставляя гнома с усилием втягивать воздух правым. Вот раны полегче: на плече и нестрашная, но болезненная, на бедре, чуть выше проклепанных железом поножей. Халт начал «зашивать» их, вливая в гнома силы. Дело пошло, и он открыл глаза. Главарь будто ожил: с удвоенной мощью набросился на уцелевших гоблинов и одним взмахом меча избавился от еще одного. С каждой стороны осталось по одному бойцу.

Они достали друг друга одновременно: топор чиркнул по зеленой шее, а меч вонзился в широкую грудь. Гном еще дышал, но был уже не жилец. Халта такой расклад устраивал. Что ему до местных разборок? Наверное, будь он настоящим воином, как хотел отец, то сейчас бы просто ушел. Но на свою беду он ценил не только собственную жизнь. Отогнав наконец надоедливых мух, он подошел и сел на корточки перед умирающим. Положил обе руки на рану. Они тут же окрасились кровью, но Халту было не до того. Он закрыл глаза и начал зашивать края, удерживая уходящую жизнь. Рана оказалась очень тяжелой, он такие сроду не лечил. Но в любом случае попробовать стоило.

Лечение заняло больше времени, чем бой. Так обычно и бывает: разгребать последствия – дело долгое, не то что рубить с плеча. Врачеватель открыл глаза и встретился со взглядом синих глаз.

– Я буду жить, – то ли спрашивая, то ли утверждая, прошептал гном.

– Будешь, мать твою, – прошипел Халт. Его стошнило, перед глазами все плыло.

– Эй, ты как? – гном приподнялся на локте.

– Дерьмово, – ответил парень, заваливаясь на бок. Вонь тухлой рыбы вдруг стала невыносимой. Сын Глойфрида был готов на что угодно, только бы не чувствовать ее. Самый кошмар – вся одежда пропиталась ею; на запах слетались мухи, которые вдруг стали доводить до бешенства.

– Убраться бы отсюда, – с трудом произнес Халт.

– Держись за меня, пойдем.

Гном с трудом, но встал. Сунул топор за пояс и положил руки спасителя себе на плечи, заставляя человека выпрямиться и опереться на него.

Через каждые несколько шагов Халт садился на землю отдыхать. Казалось, его засунули в карусель, на которой он кружится уже несколько часов и никак не может сойти. Так плохо при врачевании ему никогда еще не было. Впрочем, он никогда еще не возвращал с того света гномов. Он не понимал, куда и сколько они идут, дорога все не кончалась. Перед глазами плыло, меняя очертания, сизое марево. Он почувствовал под рукой что-то мягкое.

– Ложись.

С него стянули сапоги. Халт попытался сфокусировать взгляд, и на мгновение ему это удалось. Он понял, что очутился в какой-то комнате, вокруг гномы, после чего он провалился в небытие.

Проснулся бодрым и полным сил, только сильно затекли ноги. За окном вовсю шпарило солнце, и Халт не сразу вспомнил, где оказался. Огляделся. Судя по размерам окружающих вещей, квартира была явно гномья, а ноги затекли потому, что спал на гномьей кровати – раза в полтора меньше человеческой. Тем не менее чувствовал он себя прекрасно.

Насколько он знал, маленький народ не очень-то зовет в гости людей, поэтому сейчас с любопытством рассматривал низкую и крепкую мебель, белые кружевные салфетки на комоде и тумбочке и портреты предков на стене. Их было два: воин и горный мастер. Воин стоял, облокотившись на огромный топор. Тело закрывал доспех, но на руки – мощные, в буграх мышц – видно, никакая рубаха не налезла. На голове воина – железный шлем с рогами, черные усы заплетены в две косы, борода чуть развевается. Художник прекрасно передал взгляд исподлобья, от которого по спине пробегал холодок. Встретиться с этим гномом в бою совсем не хотелось: он был грозным воином. Впрочем, почему «был»? Может быть, это отец или дед спасенного гнома, тогда он вполне может сидеть сейчас на кухне и пить пиво.

Он невольно сравнил его с собственным отцом. Больше всего их роднили не мышцы и доспехи, а этот безжалостный и холодный взгляд. Ни разу Халту не удалось получить тепла и сочувствия, наоборот, отец считал, что настоящему воину это не нужно, его это унижает. Жаль, что Халт не настоящий воин, и какое счастье, что в его жизни была Ята, учительница магии, – единственная, кто воспринимал его как ребенка и кто не считал нежность чем-то постыдным.

Второй гном на портрете выглядел менее грозно, но столь же сурово. Он держал на плече молот, словно только что вылез из забоя. Никаких доспехов, только рабочая одежда; но тугие переплетенные мышцы отчетливо виднелись даже под ней. Оценив габариты молота, Халт решил, что поднимет его с трудом и самое большее, что сможет сделать дальше, – уронить. И хорошо, если не на ногу.

Халт отвел взгляд от портретов и принялся рассматривать комнату в надежде понять по ее обстановке, чего ждать от хозяина, но это оказалось типовое городское жилье, где мог жить кто угодно.

Открыв дверь, сразу наткнулся на хозяйку. Она сидела в маленьком синем креслице и вышивала. Выяснилось, что ее зовут Томила Гримсон и она не жена спасенному, как было подумал Халт, а сестра. Сам же спасенный холост, зовут его Торион Гримсон, и он скоро должен вернуться со смены – Тори шахтер, как большинство гномов в этом городке. Халту было приятно узнать, что он вылечил этого Тори настолько, что тот даже в шахту полез, хотя, как оказалось, прошли уже сутки. Изображенные на портретах оказались прадедом по материнской линии и дедом по отцовской. Воин-прадед недавно, всего лет сто как, умер, а вот дед и отец Тори живы-здоровы и сейчас вместе с внуком трудятся в шахте.

Томила первым делом выставила перед Халтом кушанья, не желая слушать робкие уверения, что он не голоден. Первую ложку он попробовал с превеликим страхом: наслушался о кулинарных пристрастиях гномов и о том, что их пища всем, кроме них, кажется несусветной гадостью. Однако борщ и правда оказался очень вкусным. Хозяйка объяснила, что приготовила обед специально для него по людским рецептам. Ее семья ест другую пищу и такую еду

не жалует, а ей очень нравится готовить новенькое, она и эльфийские блюда умеет, и гоблинские, и даже у троллей узнала несколько интересных рецептов. Кого только не встретишь на базаре! Но она все же несказанно рада, что в гостях у нее человек, а не гоблин, и для гоблина так готовить разносолы она бы точно не стала.

За болтовней с гномихой прошел час; часы как раз пробили пять, когда в дверь ввалился Тори. На нем лица не было, одни большие встревоженные синие глаза, грозно смотревшие из-под косматых бровей. Кивнув обоим, он с порога бросил сестре:

– Стража ищет, кто грохнул патруль. Когда придут сюда с допросом, скажешь, что мы вчера днем были дома. А тебе, – он посмотрел на Халта, – лучше уйти к себе и не появляться до поры. Тебя вряд ли кто будет подозревать, а вот если узнают, что был у меня в гостях, – не отстанут.

Халту очень хотелось спросить, чем таким славен Тори Гримсон, что знакомство с ним может стоить репутации, но счел момент неподходящим.

– Мне бы только узнать дорогу домой.

– Тут недалеко, как выйдешь – направо и на перекрестке еще раз направо. Иди, а когда все успокоится, я тебя навещу.

Следующие дни не принесли ничего нового. Сын Глойфрида безрезультатно пытался выяснить, что творится в городе, но Антракас не хотел раскрывать свои тайны. По вечерам Халт изнывал от безделья, выходя на улицу лишь для того, чтобы воспользоваться дощатым нужником. В один из таких вечеров в дверях появился Тори.

– Кракен побери! Напугал, – вздрогнул Халт. Гном без спроса вошел, закрывая за собой дверь.

– Если что – меня тут никогда не было и ты меня не знаешь, – вместо приветствия сказал он. – У меня мало времени, но надо поговорить.

– Ладно, только подожди, схожу в сортир.

– Зачем?

– Эээ… тебе рассказать, для чего нужен сортир?

– А тебе рассказать, для чего нужно окно? – ухмыльнулся Тори. Он ловко вспрыгнул на подоконник, показывая, как это делается.

– О… – только и смог произнести Халт. Тетя Клэр, обучавшая его хорошим манерам, упала бы сейчас в обморок.

– А теперь давай знакомиться. – Гном протянул руку. – Меня зовут Торион из рода Гримсонов, но друзья называют меня Тараном.

Халт брезгливо посмотрел на протянутую руку, но пересилил себя и пожал. Далеко не во всех мирах разумные существа моют руки после сортира, и к этому надо привыкать.

– А меня друзья называют Халтом.

– Ты спас мне жизнь, Халт, и я не забуду этого. Люди – довольно мерзкие создания, но среди них бывают исключения.

Гном сделал паузу, и Халт перехватил инициативу.

– Кто ты такой? – спросил он. – Откуда знаешь, где я живу? Для шахтеров вы с друзьями слишком хорошо владеете оружием.

Таран уселся на единственный в мансарде стул и ответил вопросом:

– А что ты знаешь об Антракасе и почему ты здесь?

Халт смутился. Он не был готов к таким расспросам и лишь в общих чертах придумал, что именно будет говорить.

– Я… просто путешествую. Вот занесло сюда. Знаю, что Антракас – шахтерский город, куда со всех миров съезжаются те, кто не нашел места у себя дома. Золота тут немного, зато полно других полезных ископаемых. Знаю, что из местной руды гномы выплавляют железо

и куют боевые доспехи, которые ценят многие воины. Клеймо антракасских мастеров – знак качества.

Тори кивнул:

– Все так, но что ты знаешь об истинной жизни Антракаса?

Халт пожал плечами:

– Я тут всего несколько дней.

– Ты в курсе, что еще несколько сот лет назад это был чисто наш город, который называли Гномий Холм?

Он помотал головой.

– Испокон веку тут жили гномы-рудокопы. Мы работали в шахтах, делали доспехи и оружие и были сами себе хозяева. Но потом нагрянули альвы и люди, и все изменилось, – гном сплюнул прямо на пол. – Сволочи, прибрали к рукам власть, вытеснили гномов и заставили работать на себя за гроши! Род Гримсонов всегда был уважаемым и обеспеченным. И тогда и сейчас мы – одни из лучших рудокопов! На Кальмиусе у нас был свой дом, не чета этой каморке, в которой приходится ютиться сейчас! Эти подонки отняли у нас все. Теперь все шахты принадлежат им, глава города – человек, а среди богачей нет ни одного гнома. Мы как рабы горбатимся на альвов, отдаем им за бесценок все найденное в шахтах.

– Как же вы такое допустили? – удивился Халт. – Я знаю, что гномы в принципе не способны подчиняться и лучше умрут, чем будут батрачить.

Таран сжал кулаки.

– Тогда мой прадед понапрасну погиб, и не только он. В Гномьем Холме почти не было воинов, лишь рудокопы. Мы пытались выступить против, но альвы привели свору гоблинов и с их помощью подавили мятеж. Тогда старейшины ушли в подполье. Посмотри вокруг, сколько на улицах этих зеленых тварей с оружием! Да вся власть людей и альвов держится на гоблинах. Убери их – и жители просто разорвут верхушку зубами. Они живут за высокими заборами с охраной и платят гоблинам бешеные деньги, которые зарабатываем для них мы!

Эта страстная речь произвела на Халта впечатление.

– Так ты состоишь в подполье? – догадался он.

– Да. За нами, «Сопротивлением», идет охота. Поэтому для тебя небезопасно водить со мной компанию.

– А те гномы, что напали на меня вместе с тобой, – это тоже члены «Сопротивления»? – съязвил Халт.

– Они были слабыми бойцами, – спокойно кивнул Тори.

– Чего же ты хочешь от меня?

– Я пришел предложить дружбу!

Халт удивленно посмотрел на крепкого, будто сделанного из железа, гнома, встретился с ним взглядом. В синих глазах сквозила мощь океана, такая же решимость и такое же равнодушие. Какая, к бесам, дружба?! Да ради своей цели он по трупам пойдет!

– Тори, врешь ты хреново. Давай начистоту. Ты же один из вождей «Сопротивления», если не глава. Чего ты хочешь от меня на самом деле?

– Хорошо, давай начистоту, – усмехнулся тот в усы. – Ты ведь тоже не такой простой смазливый юноша, каким выглядишь, и не просто так путешествуешь. И в Антракас тебя занесло неслучайно. Может, ты гуляка? Но гулять и развлекаться в шахтерском городе? Для этого есть города получше. Может, ты золотоискатель? Но ты в руках не держал молота и кирки. Может, ты опустившийся бродяга? Но ты даже ссать из окна не умеешь. Ты что-то здесь вынюхиваешь. И мне бы хотелось знать что. Не думаю, что ты расскажешь, но мы можем быть полезны друг другу. Мне надо понимать, что происходит у альвов и людей – я имею в виду местную знать. В обмен могу дать информацию, добытую по гномьим каналам.

Губы Халта непроизвольно растянулись в широкой улыбке:

– А ты не гопник.

– Что? – нахмурился гном. – Гопник? Кто это?

– Так в другом мире называют не слишком законопослушных юнцов, которые обожают задирать всех, кто не может дать сдачи. Я некоторое время прожил в том мире.

– Нет, – скривился Таран. – Но иногда приходится прикидываться таким. Гномы в «Сопротивлении» разные бывают.

– Я расскажу тебе, зачем я тут, – решился Халт. – Ничего сверхсекретного нет, хотя, конечно, не хотелось бы, чтобы об этом знали все. В Антракасе обнаружили сильнейшую магическую активность. Постоянные выбросы магической энергии. С чего бы в шахтерском городке такое? И, главное, что это означает? Возможно, ты и правда сможешь помочь. Ну, а я… не думаю, что меня примут в домах местной знати. Кто я для них? Какой-то нищий. Да мне и незачем знакомиться с ними. Я планирую разузнать что смогу и свалить отсюда. Обратно в тот мир, где нет необходимости ссать из окна.

– И тем не менее ты человек, значит, будешь общаться с людьми и у тебя есть возможность разузнать что-то об их делах. Гномов туда уж точно не допустят.

– Хорошо, если тебя устраивают такие условия, то я согласен.

Они скрепили договор рукопожатием.

– Я знаю, где можно разузнать о магических выбросах, – задумчиво произнес Таран. – Я постараюсь уговорить ребят, чтобы тебя пустили в «Новый Квершлаг». Там можно узнать обо всем. Даже какого цвета белье у дочки Огая.

– Что за «Новый Квершлаг»?

– Подпольный игорный дом. Наше место встреч. Он работает по ночам в одном отработанном квершлаге. Гномы спускаются в шахту как бы на работу, а на самом деле идут кутить. О нем не подозревают лягухи, и никому, кроме гномов, обычно туда хода нет. А мы умеем хранить секреты.

– Это было бы любопытно.

– Ладно, я разузнаю и загляну к тебе, – кивнул Таран.

Он аккуратно, не высовываясь, выглянул в окно, проверяя, нет ли кого перед входной дверью. Там оказалось пусто, и Тори ушел.

Халт задумался. Ему стоило придумать легенду о себе получше. Подпольный игорный дом – то, что надо. Где еще, как не в трактире, у существ, будь то люди, гномы или кикиморы, развязываются языки?

А уже через два дня Тори зашел за сыном Глойфрида, чтобы проводить в «Новый Квершлаг».

Глава вторая

Шахты находились за городом. Гномы добивались, чтобы между Антракасом и шахтами в пересменки ездили бесплатные телеги, но пока приходилось топать пешком. Не то чтобы очень далеко и утомительно: всего минут тридцать гномьим шагом по степи. Но после того как вылез из забоя, отработав смену, зачастую вообще еле ноги переставляешь. К тому же это сейчас, в июне, на закате, дорога казалась приятной. Летним днем, когда палит солнце, или ноябрьской ночью, под дождем, походы до шахт и обратно превращались в маленький подвиг.

– Я со всеми договорился, у гномов никаких вопросов не будет. А вот если на шахте вдруг объявится человек или альв – исчезни. Куда угодно, – учил его Таран.

Халт кивнул, хотя не представлял, куда там можно исчезнуть. Тоненькая цепочка рудокопов ближе к шахтам превратилась в плотный поток. Работа шла круглосуточно, в три смены и без выходных, и старшие гномы составляли графики. Тори ближайшие двое суток выходил в ночь. К нему то и дело подходили, здоровались, хлопали по плечу, но Халта будто не замечали.

– Это шахта «Южная», мы сейчас на ней работаем. «Новый Квершлаг» тоже тут.

Халт никогда не бывал в шахтах и немного побаивался. Ему представлялось, что сейчас они войдут через широкую дыру в горе и будут лезть и лезть в темноте, однако все оказалось иначе. Для начала вошли в покосившийся длинный и узкий одноэтажный домик, готовый рухнуть. Оказалось, что это раздевалка. Посреди длинной комнаты, похожей на казарму, стояла широкая деревянная лавка. Вдоль четырех стен – шкафчики. Тори направился прямиком в дальний угол и взял из груды рабочую одежду, один комплект себе, другой кинул Халту:

– Переодевайся.

В раздевалке было не протолкнуться. Не успели еще уйти шахтеры ночной смены, как в нее повалили шахтеры дневной, закончившие работу. Черные с головы до ног, единственное, что у них оставалось чистым, – глаза. Белки в этой угольной пыли и сумраке казались неестественно яркими. Солнце почти зашло, а другого освещения в раздевалке не было. Гномы скидывали грязную одежду в огромную плетеную корзину, и Халт получил сомнительное удовольствие лицезреть голых гномов, проходивших через всю казарму и исчезавших за дверью, которую он сразу не приметил.

– Куда они?

– Мыться. – Тори уже переоделся и стал неотличим от десятков таких же гномов. – Надеюсь, нам оставят воды. Ночной смене вечно не достается. А все потому, что хозяевам, этим поганым людишкам, жалко почаще подвозить воду!

Серая роба оказалась Халту мала: рукава доходили до локтя, штанины прикрывали три четверти ноги, но он в нее влез. Конечно, махать киркой в этом было бы невозможно, но сидеть в игорном доме – вполне.

Они перешли из раздевалки в хранилище инструментов. Таран взял молот, и через другую дверь они попали в коридор, по которому добрались до лестницы. Неширокие ступени блестели, отполированные тысячами ног. По правой стороне поднимались, по левой – спускались. Халт пошел за Тараном вверх.

В широком помещении наверху пахло машинным маслом, сыростью и угольной пылью. В свете нескольких факелов можно было разглядеть деревянную площадку, которая со скрипом поднималась откуда-то снизу. Четверо гномов – двое справа, двое слева – крутили ворот наподобие колодезного, который через систему тросов соединялся с площадкой.

Казалось, Тарана знали все. Буквально каждый гном здоровался с ним, а если не здоровался, то лишь потому, что был слишком занят.

– Последние с дневной смены поднимаются, – прокомментировал Тори. – Сейчас мы в этой клети спустимся.

По спине Халта пробежал холодок страха. Ему до сих пор не приходилось ездить на такой штуке. Клеть выглядела довольно хлипкой, к тому же без перил. Впрочем, он тут же успокоил себя: если сотни гномов ежедневно пользуются ею многие годы, значит, она безопасна.

Вместе с ними в клеть набилось с десяток шахтеров, стояли плотно. Халт в середине возвышался как статуя.

– А что делать, если эта штука начнет падать? – все же спросил он.

Несколько гномов хохотнули. Один, по виду старик, хмыкнул в усы, заплетенные в косички:

– Можно, значитца, молиться…

Но, наверное увидев ошалевший взгляд новичка, добавил:

– Да не бойсь, не упадет. Еще старые мастера делали, а уж они, значитца, работали на совесть!

Клеть ухнула вниз, и сердце Халта тоже провалилось куда-то в живот. Но через несколько секунд он успокоился и даже начал получать удовольствие.

– Первый раз в руднике? – спросил тот же старый гном. Халт кивнул.

– Ну, смотри, это мы, значитца, едем в клети, а рядом подымается скип.

– Эээ… а скип – это что?

– Скип-то? Это такая клеть, только не для гномов, а для грузов. Ну, чтоб выгребать их из рудника. Скипами поднимают в рудвор руду. Так вот, мы спустились из копра по стволу, а теперь, значитца, на разных этажах проведены квершлаги. В горах-то они называются штольнями, а у нас – квершлагами.

– Что такое копер?

– Это, значитца, то, что на поверхности, над стволом, часть подъемной установки, в которой, значитца, находятся отводящие шкивы и направляющие для тросов клетей, ну али скипов, али разгрузочных кривых, али же посадочных устройств.

Гном продолжал рассказывать об устройстве рудника, даже когда они вышли из клети. Они шли вдоль туннеля, свет факелов отражался в лужах. Кожаные сапоги Халта пока держали влагу, но по чпоканью, с которым они выходили из грязи при каждом шаге, он понял, что их дни сочтены. Халт давно потерялся в терминах и понимал в лучшем случае одно слово из предложения, причем чаще всего это было «значитца», которое гном вставлял к месту и не к месту.

Тори, дернув товарища за рукав, оставил основную группу и свернул в ближайшее ответвление, затем еще раз и еще. Халт довольно быстро перестал ориентироваться. В некоторых штреках царила кромешная тьма, и ему приходилось держаться за гнома, чтобы не заплутать. Пропало не только ощущение пространства, но и времени. Казалось, ничто вокруг не меняется: та же порода со всех сторон, такие же туннели и то же самое равномерное «чпок» из-под сапог. Они могли идти и пять минут, и пять часов.

Неожиданно его ослепило. Глаза уже привыкли к мраку, и свет факелов показался слишком ярким.

– Вот и «Новый Квершлаг», – сказал Тори.

«Новый Квершлаг» поражал воображение. Халт подумал, что на Терре богачи выкладывали бы огромные суммы за то, чтобы побывать тут. Знатные дома с Хьерварда не постыдились бы устроить здесь бал. Высоченные, этажей в пять, своды, широкий и просторный зал. Стены расписаны причудливыми узорами из прожилок разноцветных руд. Возможно, тут было золото и драгоценные камни – Халт в этом совершенно не разбирался. На отполированном до зеркального блеска антрацитовом полу виднелись отблески факелов. И над всем этим летела песня, многократно усиленная пещерными сводами.

– Мы как раз вовремя! Тарья поет, – обрадовался Таран. – Сапоги только помой, – кивнул он на фонтанчик, бивший перед входом.

Тарья пела прекрасно. Халт еще не видел, какой она расы, но уже догадался, что песня – на гномьем. Он не понимал ни слова, но язык, несколько корявый в разговорной речи, в устах девушки казался мелодичным.

– О чем она поет?

– О свободе, – ответил гном, расплываясь в улыбке.

Тем временем они подошли ближе. Тут стояли длинные крепкие деревянные столы и такие же лавки. Не очень изящно, зато практично. Почти все они были заняты.

– Самый наплыв, – вздохнул Тори. – С утренней и с дневной смен собрались пропустить по паре пива и продуть зарплату в карты.

На большой деревянной сцене у противоположной стены пела гномиха, одетая в длинное, со шлейфом, бирюзовое платье. Ее запястья украшали браслеты с драгоценными камнями, поблескивающие в пламени факелов. По бокам от Тарьи танцевали два гнома с оголенными торсами. Они играли буграми мышц и выполняли то акробатические кульбиты, то сальто, то стойку на одной руке. Сзади аккомпанировали еще несколько гномов. Халту танцевальный дуэт показался комичным, но зрителям явно нравилось. Еще больше им нравились две гномихи-стриптизерши, извивающиеся у шестов на малых сценах. Обе практически голые, лишь золотистые пояса из бахромы чуть прикрывали срам. Из-за множества факелов, освещавших все три сцены, было жарко, как на полуденном солнце.

– Ничего себе… – только и смог произнести Халт. Гномьего стриптиза он не видел ни разу, вероятно, как и большинство людей.

– Симпатичные девочки, правда? – подмигнул Таран. Халт решил промолчать, чтобы не обижать товарища.

Тут тоже нашлись знакомые лидера «Сопротивления». Они подвинулись, освободив два места. И столы, и лавки были, естественно, рассчитаны на гномов – Халт поместился с трудом. Перед ними возник трактирный слуга.

– Нам для начала по пиву, – распорядился Тори и повернулся к Халту:

– Че есть будешь?

– Да, наверное, ничего… – протянул тот.

– Брось, ты ж не жрал, небось, после завтрака у Драги. Денег, что ли, нет? Не волнуйся, у меня тут ооочень хорошая скидка!

– Да не в том дело… – Халт мялся, не зная, как сказать правду, чтобы не обидеть. – Я слышал, у гномов и людей очень разная кухня и то, что хорошо гному, человеку не подходит.

Тори захохотал. Соседи по столу подхватили.

– Это кто тебе такую глупость сказал? Да ты пробовал ли гномью кухню? Нет? Значит, так. – Тори посмотрел на слугу. – На закуску нам два пирога со свининой и салат, на горячее – по фаршированной курочке, ну и на десерт пойдет кверштальский пирог с малиновым джемом. И побыстрее!

С их места все три сцены прекрасно просматривались, и на время Тори выпал из реальности: он созерцал стриптизерш и наслаждался песнями, притоптывая в такт. Наконец гном очнулся.

– Красотки, – цокнул он языком. – Жаль, что на это у меня скидок нету.

На что именно – Халт не стал переспрашивать. И так понятно. Почему бы в подпольном игорном доме не сделать подпольный бордель?

– А ничего, что ты в свою смену вместо того, чтобы работать, сидишь тут со мной? – забеспокоился Халт.

– А чего такого? – удивился гном.

– Ну, может, тебе за это взбучка какая будет. Должен работать, а смотришь на баб.

– Не. Взбучка будет, если мы в конце месяца норму не отгрузим. Тогда хозяин шахты, Гарм его побери, нам устроит. А за нормами в смене следят старшие гномы. Люди и альвы пытались ставить своих старших, но их почему-то постоянно заваливало рудой, – зло улыбнулся он. – Так что они внутрь не лезут. Ну, почти не лезут. Иногда бывает.

– А старший смены тебе ничего не скажет? – не унимался Халт. Он не понимал, как гном, вроде бы придя на работу – сидит в подземном трактире, клянет хозяев и считает себя угнетенным.

– Ну, во-первых, старший сейчас – мой дед. А во-вторых, я тут как бы это… совладелец.

– Ого!

– Ну… – Гном перешел на шепот. – Делу «Сопротивления» нужны деньги, а уговорить гномов добровольно скинуться не получается. Пусть хоть так.

«Ну дела!» – подумал Халт. То, что он видел и слышал сегодня вечером, просто в голове не укладывалось. Огромный подземный… сказать «трактир» или «игорный дом» – язык не поворачивается. Скорее – дворец! И все это содержит подпольная гномья организация, борющаяся за освобождение. А Тори всем этим руководит?! Тут у сына Глойфрида возникли сомнения: не врет ли гном? Не приписывает ли себе чужие роли? «Ладно, поживем – увидим», – решил он, и тут принесли пиво и закуски. Пахло аппетитно. Халт еще сомневался, стоит ли попробовать пирог, но его живот уже точно знал: стоит.

Тем временем Тарья ушла отдохнуть, и Тори поднялся. Для гнома он был довольно высок, но все равно ему пришлось несколько раз крикнуть, чтобы привлечь внимание. И когда добрая сотня глаз воззрилась на него, Таран поднял кружку и проорал:

– За нашу победу!

– За победу! – раздалось со всех сторон, перекрывая стук сдвинутых кружек.

К Халту относились подчеркнуто нейтрально, хотя он частенько ловил на себе взгляды. С ним не стремились завести разговор, но, по крайней мере, и не проявляли враждебности. Вероятно, все уже знали, что он с Тараном. В общем-то, его это пока устраивало. Конечно, он пришел сюда за информацией о магических выбросах, но пока не был готов к общению с гномами. Нужно было присмотреться, освоиться. Он и так узнал сегодня столько, что это требовалось переварить. К тому же гномья кухня стоила того, чтобы потратить на нее время: грубовато, но сытно и вкусно.

– Ты говорил, что тут идет подпольная игра, но я что-то пока вижу только подпольный трактир, – заметил Халт, пробуя десерт. К тому времени они выпили уже по три пива и оба раскраснелись и повеселели.

– Счас, доедим пирог и покажу, тут рядом, во вспомогательной выработке, – облизывая ложку, ответил хозяин заведения. – Не могу бросить его, это мой любимый, с малиновым джемом!

У почти незаметной двери в стене стоял гном. С первого взгляда и не поймешь, что охранник: никакой формы или оружия, только молот. Просто стоит, пялится на голых гномих у шеста. Но Халт знал этот оценивающий взгляд, будто тебя взвешивают на весах и определяют, насколько ты опасен. Отсутствие оружия тоже не обманывало: в умелых руках молот с одного удара размозжит голову.

Охранник едва заметно кивнул Тарану, разрешая пройти. Халту казалось, что в «Новом Квершлаге» его уже не удивишь, но выяснилось, что это не так. За дверью располагался другой зал, значительно меньше основного, но от этого не менее прекрасный. Халт шагнул на пол из серого гранита и замер, разглядывая флаги, развешанные по стенам. Огромный герб города окружали гербы помельче, разных форм и цветов. Деревянные столы, если присмотреться, образовывали четыре сектора, как объяснил гном, – по типам игр.

Тут было тише, из большого зала доносился лишь приглушенный голос Тарьи, которая вновь запела. Со стороны столов раздавались возгласы радости и отчаяния. Увлеченные игроки не обратили внимания на вошедших, однако их заметил гном-распорядитель.

– Добро пожаловать, – приветствовал он. – Во что желаете сыграть?

– Расслабься, Тин, мы сами, – похлопал его по плечу Тори Гримсон. – Ну что, пройдемся по всем? – спросил он Халта. Тот кивнул.

– Тут самые легкие игры, для тех, кому неохота думать, – махнул рукой совладелец заведения в сторону ближайшей группы столов. – Правила игры такие: колоду перемешивают, затем игроки тянут по карте, у кого карта больше, тот и выиграл. Вот там, – Таран махнул в сторону дальних столиков, – играют в кости. Правила, надеюсь, ты знаешь?

Они миновали оба сектора, где желающие попытать счастья не помещались за столами и многие стояли за спинами сидящих. У третьей группы столов народу оказалось меньше, и выглядели они респектабельнее. Несмотря на внешнее спокойствие игроков, Халт чувствовал напряжение, разлитое в воздухе.

– Барук – самая сложная игра. Правила рассказывать не буду, все равно не поймешь. Половина гномов их не понимает! Да и ставки тут высокие. Спокойно можно проиграть собственный дом.

Халт играть не собирался, но с любопытством смотрел. Один гном, весь черный то ли от въевшейся угольной пыли, то ли еще от чего, постоянно мусолил уголки карт. Другой, молодой, нетерпеливо притоптывал; третий сидел не шелохнувшись. Изучать картежников казалось делом занятным, Халт с интересом наблюдал и за ними, и за игрой. Особенно ему понравилась колода, похожая на обычную, только меньше размером. На «рубашке», явно выполненной мастером вручную, на черном фоне изображался золотистый гном в забое. Рудокоп с занесенной над головой киркой выглядел не как обычный труженик, а как полубог, пробивающий дорогу к счастью. Карты были миниатюрным произведением искусства, и даже равнодушному к азартным играм сыну Глойфрида очень захотелось заполучить это чудо.

– Там играют в тараг. Это чуть попроще барука, но тоже думать надо. Я в юности был чемпионом района по тарагу! – гордо заявил Тори.

– А сейчас?

– Сейчас не до игр. Играть будем, когда город вновь станет нашим.

Халт поинтересовался, что за гербы висят на стенах, и тут же пожалел об этом. Оказалось, что это гербы древних гномьих родов, и Таран решил рассказать о каждом…

Когда они наконец вышли в основной зал «Квершлага», там многое изменилось. Гномы явно захмелели, Тарья ушла, а вместо нее то один, то другой любитель попеть после пива залезал на сцену и демонстрировал свои вокальные данные. По мнению Халта, ужасные. Гномьи стриптизерши тоже ушли, вместо них у шеста танцевала… женщина-альв! Потомок Хагена не поверил своим глазам.

– Вы пускаете сюда альвов?!

– А что? Рудокопам приятно посмотреть, как эта шалава извивается тут перед нами, чумазыми и пьяными. Ее обычно забрасывают помидорами или еще чем похлеще. Любимое занятие пьяни ближе к трем ночи – попасть помидором ей между ног. Тут даже турниры проводятся! – довольно хмыкнул Тори.

Халт покачал головой. Ох, зря гномы пускают в свое потайное место альва. Кем бы ни был альв – он блюдет свои интересы и предаст в любой момент. Что делает здесь эта девушка? Неужели не может найти другой работы? Ох, что-то тут нечисто… Отец Халта часто имел дело с другими расами, так что сын кое-чему научился. В первую очередь – не доверять альвам. Совсем.

Халт опять осмотрелся. Только сейчас он заметил: кроме нескольких гномов-охранников, что стояли с молотами у стен и сцены, ни у кого не было при себе никаких инструментов. Даже у Ториона!

– Эй! А где твой молот? – напрягся Халт.

– А ты внимательный, я смотрю, – хохотнул Таран. – Полночи прошло, прежде чем заметил мои пустые руки. Интересно, а если бы я голый был, ты бы скоро это обнаружил? К утру?

Халт пробормотал что-то невразумительное, краска залила щеки. Он почувствовал себя полным кретином. «Тоже мне, шпион хренов! Пришел вынюхивать, а ни фига под носом не видишь!»

Таран хохотал. Наконец, чуть успокоившись, ответил:

– Нельзя сюда с инструментом. Перепьются рудокопы, пойдут выяснять отношения молотами да кирками, мы потом их мозги от стен год не отмоем. Ты пока сапоги свои полоскал в фонтане, я оставил молот во вспомогательной выработке. Прямо у входа. Ну что, еще по пиву и домой?

– Угу.

Они уселись за прежний столик и подозвали слугу. Тем временем женщина-альв ушла, и Халт аж поперхнулся пивной пеной: ее место заняла… обычная женщина!

– К-кто это?

– Ну, я ее имени не спрашивал. Не в моем вкусе.

– Нет, что она тут делает? Она же человек!

– Да уж вижу, что не гном! Дважды в неделю у нас дни экзотики. Альвы, люди, пару раз даже троллиха была, но проломила сцену, и больше мы ее не выпускали. В общем, находятся любители и на них.

Девушка была симпатичная. Под музыку, которую продолжали играть гномы на сцене, ее гибкое тело вилось вокруг шеста, и Халту это нравилось. Он невольно вспомнил стриптиз-клубы на Терре. Девушка в «Новом Квершлаге» им как минимум не проигрывала. Длинные черные волосы будто танцевали с ней в паре, обвивая и гладя небольшие груди, низ прикрывал полупрозрачный легкий шарф… в общем, он бы ее снял.

– Нет, все же наши женщины красивее! – стукнул опустевшей кружкой Таран и, слегка покачиваясь, поднялся.

Халт большим глотком допил остатки пива и тоже встал. В голове шумело.

Обратная дорога через темные туннели и неизбежное чавк-чавк под ногами показались обыденными и привычными, подъем в клети тоже не произвел впечатления. На поверхности уже рассвело. Впрочем, который час, Халт не знал – тут он еще ни разу не вставал с рассветом. Судя по тому, что в раздевалке они оказались одни, ночная смена еще не закончилась, как и вода в бочках.

Шагая в город, Халт на пару с Торионом костерил хозяев шахт, жалевших денег на транспорт. Потом Таран запел на гномьем. Потомок Хагена не понимал ни слова, но решил, что речь идет о борьбе гномов за свободу, и стал подпевать. Песня закончилась, и гном признался, что она о бабах. Халт обиделся, и они чуть не подрались, но помирились и всю дорогу до дома травили байки и хохотали, как ненормальные.

Глава третья

Утром он понял, что сапоги действительно придется выбросить. Тончайшую кожу покорежило, глина до конца не отмылась, оставив грязные разводы. Даже несколько шагов в них показались пыткой. Бросив испорченные сапоги, Халт пошел за новыми босиком, загребая пыль. Дожди в Антракасе явно выключили надолго.

Наверное, во всех мирах рынки одинаковы. Кого там только не было! Казалось, все расы и возрасты перемешались, торгуясь из-за репы, разглядывая браслеты, ощупывая расшитые рубахи, проверяя баланс меча, облизывая леденец на палочке, пряча монеты, зазывно крича, взвешивая рыбу, вытирая масленые руки о тряпку, пиная камушки, толкаясь локтями, отвешивая подзатыльники, сматывая пряжу, глазея на девушек и делая еще миллион разных вещей. В это варево и нырнул Халт.

Водоворот продавцов и покупателей мигом закрутил его и вынес к оружейным лавкам и лавкам с доспехами, мимо которых он не смог пройти. Из него долго пытались сделать воина, и волей-неволей он научился разбираться в оружии, доспехах, теории атаки и защиты. Вот только с практикой были большие проблемы. Конечно, по сравнению со средним воином, обучавшимся чему-нибудь и как-нибудь, он был хорош. Вот только в тренировочных боях с отцом уже через пару минут всегда оказывался «убитым». А были воины и искуснее Глойфрида…

Чего только отец не делал, чтобы вырастить из сына воина! Лучшие учителя, постоянные тренировки, наказания и поощрения. Ничего не помогало. Сложно научить человека убивать, если он этого не хочет. В детстве, когда занятия только начинались, маленький Халт после каждого успешного удара подбегал к противнику с вопросом: «Тебе не очень больно?» С горя отец даже пытался сделать из него мага и нанял для обучения последовательницу богини Ялини. Но та смогла раскрыть в нем лишь дар целительства, общения с животными и кое-что по мелочи, вроде зажигания и тушения огня на расстоянии, небольшой левитации предметов и прочей ерунды. Серьезным магом он тоже не стал.

Антракас славился оружием и доспехами. Ради них сюда съезжались воины и торговцы из самых дальних городов и других миров. Вместе с продажей угля и полезных ископаемых это составляло основу процветания города. За распределение этих доходов, видимо, и бьется «Сопротивление», – подумал Халт. Как бы то ни было, и то и другое производили именно гномы.

– Юноша! Не проходите мимо антракасской стали! Этот меч точно для вашей руки сделан! И стоит всего каких-то два серебряных, – окликнул его седой торговец.

Халт даже в руки не взял меч.

– Грубая подделка, – бросил он и, не останавливаясь, прошел мимо.

Мечи, секиры, булавы, ножи и масса другого оружия лежала на лотках, будто свежая рыба, рядами. Хозяин каждого лотка выкрикивал свое, расхваливая товар и напирая на его дешевизну. Сын Глойфрида прошел было дальше, но вдруг замер перед очередной лавкой.

Первым он увидел меч. Для неискушенного покупателя он ничем не отличался от сотен других, но Халту его качество бросалось в глаза. Это действительно была антракасская сталь. Он видел не так много антракасских мечей, но запомнил их. Возможно, они не лучше золингенских или амузгинских, но и не хуже. Они просто другие.

Переведя взгляд выше, заметил гнома с губами, растянутыми в улыбке. Он не зазывал покупателей, он ждал, когда мимо пройдет тот, кто разбирается в его товаре. Тот, кого не нужно зазывать.

Халт взял меч. Тот действительно был сделан будто под его руку. Необычайно легкий металл отзывался на малейшие движения кисти, слушаясь владельца, как хорошо натренированная собака. От сильных взмахов чуть звенел воздух: клинок будто резал его.

– Сколько?

– Золотой, – ответил гном. Сын Глойфрида провел по мечу кончиками пальцев и аккуратно положил его на место. Таких денег у него не было, но меч действительно их стоил. Халт на месте продавца запросил бы даже больше.

– Увы, мне сейчас это не по карману. Деньги есть только на те подделки.

– В нашем городе сейчас без хорошего оружия опасно, – заметил гном.

Халт развел руками. Он это прекрасно понимал, но, в конце концов, у него на поясе висит достойный меч, хотя, конечно, не антракасской работы.

– Почему вы торгуете тут? Такое оружие нужно продавать в отдельной лавке, под своей вывеской…

Гном поманил его пальцем. Халт нагнулся, чтобы услышать шепот:

– Тогда мне придется больше половины отдавать мастеровой подати в казну, а так я могу делать вид, что продаю железки за пару медяков. Для мытников у меня тут валяется несколько подделок. Не собираюсь платить дань альвам!

– Но кто же вас тут найдет! Простаки не купят подделку за золотой, а те, кто понимает толк, сюда просто не придут!

Гном снова растянул губы, пряча улыбку в бороду:

– Ну, ты же пришел. И другие приходят. Те, кому надо, – найдут.

Халт еще долго бродил по оружейным рядам. Тут было не только антракасское железо – всякое, на любой вкус и кошелек. Но хорошее оружие дорого стоило, дешевое брать не хотелось, и он вышел с пустыми руками. Покупка сапог оказалась, конечно, и в десятую долю не столь увлекательной. Халт взял две пары: получше и покрепче. Он собирался еще не раз посетить «Новый Квершлаг». Подпольный игорный дом – то, что надо для выяснения тайн города.

Тут же квакнул живот, напоминая о себе. Сына Глойфрида потянуло в таверну, но тут он вспомнил, что вынужден экономить, и погрустнел. Ему никогда прежде не приходилось думать о деньгах. «Голубая кровь» – гордо называли его род на Хьерварде; «золотой мальчик» – презрительно звали его на Терре. Но Халт не выбирал семью, как не выбирал и миссию, которую возложили на него старейшины и отец. Нужно было вознаградить себя, хотя бы пообедав в приличном месте! Остановил прохожего – им оказался седой гном – и спросил, как добраться до центра.

– Ступай по этой улице прямо, пока не упрешься в реку. Это Кальмиус. Повернешь налево и топай, никуда не сворачивая. Твоими ногами тут ходу – гном смерил оценивающим взглядом длину его ног – минут десять. Равняйся на Антракасскую крепость, ее башни задолго видны. Самый центровой центр!

До реки Халт дошел быстро. От воды пошла прохлада, деревья накрывали берега тенью, так что пешая прогулка вдоль Кальмиуса оказалась даже в удовольствие. На другой стороне показались высокие каменные башни; над ними развевался флаг. Отсюда не просматривался рисунок на нем, но Халт знал его и так: на выжженно-желтом фоне гномья рука, сжимающая воздетый молот. Новые хозяева города сменили его название, низвергли гномов до положения полурабов, но оставили флаг. Даже они признавали, что это шахтерский город.

Голод подгонял, и Халт добрался до центральной площади даже быстрее, чем предполагал. Шагнул на брусчатку и замер, разинув рот, как деревенщина, впервые попавшая на ярмарку. Посреди площади бил фонтан, вода вырывалась вверх из пасти бронзового Гарма. Вокруг, в тени деревьев, меж мраморных статуй, прогуливались или сидели в открытых беседках элегантные дамы с расписными зонтиками от солнца, играли дети. На другой стороне реки возвышалась крепость – место жительства богатых альвов и резиденция главы города, военачальников, городской стражи. Новоявленная знать предпочитала селиться за высокими стенами, в домах, отнятых, как предполагал Халт, у богатых гномьих родов.

В этот ясный солнечный день их крыши и башенки хорошо просматривались на другом берегу Кальмиуса, куда вел каменный мост с замысловатыми перилами. По нему то и дело проезжали кареты, шли люди, проносились всадники на вороных и гнедых скакунах, оглушительно цокая подковами, будто специально привлекая к себе внимание. Здесь не пахло рыбой или подгнивающим мусором. Тут пахло властью и большими деньгами.

Халт ожидал увидеть запустение небольшого шахтерского города, а вместо этого столкнулся с элегантной роскошью. Здесь жили люди и альвы старинных родов. Не нувориши, по случаю захватившие власть и наедающиеся ею от пуза, нет. Эти уже наелись ею давным-давно, их мало интересуют деньги, тем более власть над каким-то Гномьим Холмом. Тогда что? Что забыли благородные альвы в этом захолустье? Кажется, это Халту и предстояло выяснить.

На площадь въехал всадник.

– Прошу меня извинить, но не подскажет ли благородный господин, где путнику пообедать? – Сын Глойфрида специально выбрал такое церемонное обращение. «Благородный господин» смерил его взглядом, помолчал, но все же ответил.

– В соседнем районе можно найти недорогой трактир, – сказал тот, явно намекая на бедняцкие районы.

– Мне бы хотелось поесть в хорошем заведении… – Халт особо выделил предпоследнее слово.

Всадник снова ответил не сразу. Его гнедой нетерпеливо перебирал ногами.

– Лучшие здесь – «Кальмиус» и «Свартальвхейм», но тебя туда не пустят. Можешь поесть в «Большом Антракасе» – там часто останавливаются заезжие торговцы. Это прямо через площадь и первый поворот направо.

– Благодарю, – чуть склонил голову Халт.

Ему не понравилось, как этот человек на него смотрел. «Неужели узнал? Понял, из какого я рода? Может, знаком с отцом?» – похолодело внутри. Но всадник ускакал, и он постарался выкинуть страхи из головы. Худшее, что тот сделает, узнав его, – доложит отцу о его местонахождении. Ну, а с папашей Халт как-нибудь разберется. «Если, конечно, они не враги», – опять взял слово внутренний голос. В разных мирах было много существ, желающих уничтожить его род.

«Большой Антракас» оказался неплох как снаружи, так и внутри. Каменный дом с деревянной открытой террасой, опоры которой увивал плющ, на окнах – резные наличники, розы. Внутри во всю стену выложен мозаикой герб города – тот же, что и на флаге, другая стена украшена имитацией драгоценных камней, над входом – большая картина в тяжелой раме с изображением главной крепости Антракаса.

На террасе никого не было, и Халт вошел. Благодаря каменным стенам тут сохранялась прохлада и сразу хотелось дышать полной грудью. Как из-под земли появился трактирный слуга. Халт заказал жаренную на вертеле ногу барашка и, конечно, гномьего пива. Гномов могли притеснять как угодно, но их пиво было лучшим, и это признавали даже снобы альвы.

Пиво и правда оказалось замечательное, хотя он никогда не считал себя его любителем. Халт заказал еще кружку и задумался. Пасьянс пока не сходился, явно не хватало информации. Он уже проник в сердце «Сопротивления», познакомился с магом полугномом, облазил весь Антракас, но ничего не узнал для Ордена. Видимо, он не там ищет. Или не то. В памяти снова всплыл разговор с Аркадием Михайловичем.

Он тогда довольно рано вернулся домой из клуба, причем без Анжелы. Знал ли об этом человек, которого он увидел, войдя в квартиру? Ведь при местной девушке он бы не затеял этот разговор. Может ли маг предсказывать будущее? Хотя бы ближайшее, на день? Может быть… Вот только магия на Терре не действует.

На самом деле Халт ждал кого-то из Ордена, так что совсем не удивился, когда тот назвал себя. Скорее, странным было то, что его нашли лишь сейчас, спустя полгода после того, как он объявился на Терре. Неужели так долго искали? А может, просто не было нужды…

Аркадию Михайловичу на вид можно было дать лет шестьдесят, но сколько ему было на самом деле?.. Седая голова, гармошка морщин на лбу, серые, будто выцветшие глаза. Одет по-местному, обычные светлые брюки и белая с серым ветровка. Ничем не выделяющийся старик. Летящий коричневый сокол, вышитый между «молнией» и карманом, непосвященному ни о чем не говорил. Халту же сказал много, и он напрягся. Просто так из Ордена Равновесия не приходят.

– Халт Хединсейский, сын Глойфрида и потомок Хагена, ученика Хедина?

Халт кивнул.

– Орден Равновесия. Можешь называть меня Аркадием Михайловичем.

Старик замолчал. Халту казалось, что тот читает сейчас все его мысли, все страхи и надежды. Он не выдержал:

– Если вы пришли поговорить о моем предназначении, напомнить, что я должен…

Старик остановил его, подняв ладонь:

– Я пришел не за этим. Нам нужна твоя помощь. Ордену нужна помощь. И это не касается твоего предназначения, это касается существования Терры, которую тут называют Землей.

– А что с ней? – опешил Халт.

– Пока не ясно. Но может так случиться, что в ближайшее время она прекратит свое существование, схлопнется с еще двумя мирами.

– Не понял… Тут же магии нет вообще, и местные считают, что они одни во вселенной, а про Упорядоченное никто не слышал. Что может грозить миру, если он закрыт колпаком, а любой маг тут превращается в беспомощное дитя? Землетрясение? Метеорит? Ядерная война?

– А ты знаешь, что у Терры есть два отражения? Альтерра и Аррет.

– Н-нет. Откуда?

– Уцелевшие маги Хаоса с острова Брандей сбежали сюда. Не все, конечно, но, как оказалось, хватило меньше десятка, чтобы едва не разнести эту планету на кусочки. Они решили научиться закрывать миры от магии по собственной воле и использовать это как оружие для борьбы с Хедином и Ракотом. Ведь если закрыть мир от магии, то боги в нем бессильны.

Халт присвистнул. Он, конечно, знал, что после той битвы, когда Хедин и Ракот победили Молодых богов и сами стали богами, они уничтожили остров – оплот адептов Хаоса. Знал он и то, что горстка их спаслась, разбежавшись по мирам Упорядоченного, но о них не было слышно уже тысячелетия. Неужели за это время они и впрямь научились закрывать миры от магии? И если боги в таком мире бессильны, то это же… это конец. Конец всему Упорядоченному! Все поглотит Хаос, все вернется в предначальное состояние…

– Мы знаем, что несколько адептов Хаоса провели на Терре ряд экспериментов. Цели они не достигли, но произошел разлом миров: от Терры отделилась Альтерра, альтернативный мир, полностью идентичный Терре, но открытый для магии.

– Получается, они искали способ закрыть магический мир, а в итоге создали новый мир, причем как раз магический? – ахнул Халт.

– Примерно так. Только эти два мира очень тесно, буквально пуповиной, связаны между собой. Можно сказать, они пребывали в хрупком равновесии. До тех пор, пока адепты Хаоса не начали снова проявлять активность.

– О черт!

– Я смотрю, ты быстро освоился на Терре, даже ругаешься как местные, – чуть улыбнулся Аркадий Михайлович.

– Ну, ругательства всегда запоминаются в первую очередь, – смутился хозяин квартиры.

– Главное, не забудь, кто ты и откуда.

Халт заставил себя промолчать. О, эти бесконечные наставления и взывания к чувству долга! Именно от них он и сбежал с Хединсея. В том числе и от них.

– Очень увлекательная история. Чего же вы от меня хотите?

– Не торопись. Это еще не все. – Халту казалось, что старик смеется над ним, хотя его лицо оставалось непроницаемым. Но вот глаза…

– Через некоторое время, всего несколько сот лет назад, возник новый разлом. Энтропия… ты знаешь, что такое энтропия?

Потомок Хагена раздраженно кивнул.

– Энтропия начала разъедать эти миры, и был создан еще один, который выступил компенсатором. Ты знаешь, что такое… – начал было старик, но, наткнувшись на яростный взгляд сына Глойфрида, осекся на полуслове.

– Мы называем вновь созданный мир Аррет, то есть Терра наоборот. Но это совсем странный мир. Если Терра и Альтерра отличаются лишь наличием магии и развитием цивилизации – понятно, что магический мир развивался совсем иначе, – то Аррет – это свалка миров, которая стремится к самоуничтожению. Все три мира очень тесно переплетены. Разрушится один – и цепную реакцию не остановить, погибнут все три. Множество живых существ.

– Что же, мне надо спасти мир? – съязвил Халт.

– Для того чтобы спасти мир, нужно хотя бы знать, от чего его спасать, – спокойно ответил адепт Ордена. – За этим я и пришел. Некоторое время назад на Альтерре засекли сильные магические выбросы непонятного происхождения. Нам удалось обнаружить конкретное место, и туда отправился один маг из Ордена. Больше его никто не видел, мы подозреваем, что он погиб. Выбросы между тем усиливаются. Я не прошу тебя спасать мир, я прошу тебя отправиться туда и узнать что сможешь. Любую информацию. Ты не маг… ладно, слабый маг, ты не адепт Ордена, поэтому твоя персона не заинтересует слуг Хаоса. Тебя там никто не знает и не узнает, если, конечно, сам не начнешь орать спьяну, что ты потомок Хагена. Для тебя риск минимальный, но добытая информация будет неимоверно ценна. Возможно, она действительно спасет мир, да не один, а целых три.

Халту очень не понравился пассаж про пьянство. Да, он частенько надирался до положения риз, да, он ходил по клубам и ресторанам, но никогда при этом не рассказывал о своей жизни на Хьерварде! Конечно, адепт Ордена, как и остальные, считает его никчемным придурком – но зачем тогда он пришел просить помощи?

– Почему я?

– А кто? Бизнесмен с Терры, который не подозревает об Упорядоченном? Альв с Альтерры, который может оказаться соглядатаем адептов Хаоса? Полудикие существа с Аррета, которые за еду убьют любого? Ты знаешь, что искать, куда смотреть, умеешь разговаривать с альвами и гномами и не рыгать за столом на званом обеде. Конечно, если ты откажешься – заставить тебя я не смогу, – нам придется искать замену в других мирах, а это время, которого, боюсь, у нас мало. А ты очень удачно находишься здесь и сейчас.

Халту показалось, что Аркадий Михайлович хотел добавить: вдобавок тебе все равно нечем заняться… Но тот молчал. Он ждал его решения.

– Еще пива?

– Что? – удивился Халт.

– Может быть, еще пива принести? – спросил трактирный слуга. Сын Глойфрида оглянулся. Он сидел в трактире перед пустой тарелкой и пустой кружкой.

– Нет, благодарю. Сколько я должен?

Слуга сгреб монеты и удалился. В трактире ощутимо прибавилось народу. В основном тут были люди, причем, судя по виду, довольно состоятельные. Правда, один посетитель его

насторожил: вроде человек, но явно не торговец, несмотря на жару, закутан в черный плащ. Маг? Возможно, но его присутствие тут странно. К тому же Халту показалось, что тот за ним наблюдает. Впрочем, возможно, просто показалось.

Заведение было не из дешевых, и Халт с сожалением признал, что обедать здесь для него сейчас не по карману. «Ничего, вернусь на Терру и буду есть где хочу, хоть в самых дорогих ресторанах», – успокоил он себя.

Почти сразу нашелся возница, в обычной темно-коричневой карете без изысков, запряженной гнедой лошадкой. Они быстро сторговались, Халт плюхнулся на жесткое деревянное сиденье, обитое потертой материей, и экипаж тронулся.

В лучах заходящего солнца город преобразился. Он будто засветился изнутри. Народу встречалось гораздо меньше, никто на улицах не задирал прохожих, не горланил пьяные песни. Из трактиров доносились взрывы смеха, но их посетители еще не настолько опьянели, чтобы приставать ко всем подряд. Халт знал, что в городе неспокойно, но сегодня тот представал перед заезжим гостем в лучшем виде, будто нарочно стремясь понравиться. И ему это удалось.

К району гномов подъехали уже в сумерках. К этому времени город растерял очарование; какие-то тени бегали наперегонки с крысами, шурша мусором. На Халта вновь навалилась тревога, пораженческие мысли полезли в голову. «Ничего у меня не получится. Какой из меня разведчик? Я даже в погребе не могу найти нужную бутылку вина, а уж узнать то, что тщательно скрывают… Пусть бы кто-нибудь другой этим занялся…» Впрочем, такие мысли всегда сопровождали Халта. Иногда их удавалось глушить работой и усталостью или пьянками и гулянками, как последние полгода, но, как только сын Глойфрида оставался наедине с собой, они снова брали власть.

Нужно быстрей узнать о магических выбросах и сваливать обратно, решил Халт. Он нащупал амулет перехода, настроенный на Терру, – его билет обратно. Переход между мирами без порталов под силу лишь очень сильным магам, не таким как Халт или Драга. Сын Глойфрида снова обругал себя, что не захватил в Антракас золота. Адепт Ордена сунул ему местные монеты перед отправкой, но оказалось, что он пожмотничал. Денег категорически не хватало! Хорошо, хоть меч у него был свой, и не самый плохой. Тот, что протянул ему Аркадий Михайлович, взял бы, наверное, лишь крестьянин, не представляющий, с какой стороны браться за оружие. Неужели маги в Ордене Хедина и Ракота не разбираются в оружии?!

Халт не смотрел на дорогу, поэтому не понял, что именно напугало коня, но внезапно карету тряхнуло и начало мотать из стороны в сторону. Возница что-то заорал и попытался остановить гнедого, но тот понес. Как назло, они проезжали квартал узких улиц и каменных домов. Халт запаниковал. Он уже собрался выпрыгнуть из кареты, что грозило переломами, но тут до него дошло, что следовало сделать с самого начала. Он покрепче ухватился за лавку, закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он приготовился к смерти, но это было не так.

«Тихо, малыш, тихо. Все хорошо. Успокойся. Я с тобой», – пытался он мягко установить контакт с конем. «Не беги, не бойся. Опасности нет. Я с тобой. Тихо, тихо». Вначале конь не реагировал, но потом заметил, что с ним разговаривают. «Черный. Страх», – наконец ответил он Халту. «Опасности нет. Безопасно. Остановись. Безопасно стоять. Быстрый бег – опасно», – бодрее заговорил Халт, не разжимая губ. Обычные слова тут не были нужны.

Он почувствовал, что конь замедляет свой сумасшедший галоп и переходит на рысь. «Хорошо. Безопасно. Я с тобой», – мягко продолжил он, будто погладил между ушами. Конь окончательно успокоился и перешел на шаг.

Халт открыл глаза. Пальцы затекли и не хотели разогнуться и отпустить лавку. На лбу выступили капли пота. Его учительница Ята, последовательница богини Ялини, была бы им недовольна. Он опять делал все на надрыве, зажавшись внутри, вместо того, чтобы полностью расслабиться, стать мягким и дать магии спокойно течь в нужном направлении. «Ята хочет, чтобы я был мягким, отец – чтобы твердым, а я ни то ни другое. Недоделок», – подумал он, но

равнодушно. Во-первых, на переживания уже не осталось сил, во-вторых, он все же гордился, что сумел остановить коня. Не великий магический подвиг, но это только что спасло ему жизнь.

– Эй! Как ты там? – свесился к окну возница.

– Живой, – откликнулся пассажир.

– Ну и потрепал же нам нервы мой гнедой! Чего-то испугался, потом сам успокоился… Приеду домой – опрокину пару кружек пива. И тебе советую.

Когда Халт расплачивался, его пошатывало после выброса адреналина, а правый глаз дергался от нервного тика. И, в общем, он бы выпил чего-нибудь тоже, но дома шаром покати, а ехать сейчас опять в трактир было выше его сил. Еле переставляя ноги, он поднялся по лестнице в мансарду и рухнул на кровать, не раздеваясь.

Глава четвертая

«Кажется, жизнь налаживается», – подумал Халт, надевая уже изрядно замызганные, но крепкие сапоги. За две недели он не только выучил дорогу в подпольный дом, но нашел там себе собутыльников и полюбил пиво. Гномы делали и более крепкие напитки, но те не шли ни в какое сравнение с человеческими. А вот пиво варили отменное.

Топая на закате вместе с гномами из ночной смены, Халт задумался о том, как все изменилось. Он попал на Альтерру, не имея понятия о том, как выполнить поручение Ордена, чуть не погиб. Сейчас же он член «Сопротивления», обзавелся приятелями среди гномов, и вот уже сам, один, когда захочет приходит в подпольный игорный дом, о котором никто, кроме избранных, не знает. Вот только он ничего про магические выбросы так и не узнал. И Тори не помог.

В игорном доме все было как обычно, только народу поменьше. Халт заметил новых знакомых – Гилира и Рилина – и подсел к ним. У шестов вяло качали бедрами две страшненькие, на вкус Халта, гномихи – но он уже мог спокойно смотреть на них на трезвую голову. По его мнению, сестра Тарана превосходила красотой всех этих стриптизерш, хотя и ее он не хотел бы увидеть голой.

С другой стороны сели незнакомые рудокопы, и сын Глойфрида начал выспрашивать их про странную магию. Может, кто чего слышал? Хотя бы легенды или слухи. Но гномы качали головами: куда им, неспособным к магии, знать про ее всплески.

Халт не сразу обратил внимание на возню у входа. В поле зрения попали наручи с шипами. «Стражники на каждом шагу! Достали уже!» – вздохнул он и вдруг похолодел. Стражники! Здесь! Теперь ясно стали видны ряды гоблинов в форме. Они без разбору хватали гномов, крутили им руки и выводили из зала. Шахтеры пытались сопротивляться, но у них не было даже молотов, в то время как гоблины пришли в полной экипировке, с мечами и даже в шлемах.

– Всем оставаться на местах! – тявкнул, видимо, их вожак. – Сопротивление бесполезно! Хотите жить – сдавайтесь!

Посетители «Нового Квершлага» не слушали. Пиво и горячая кровь ударили в головы, и гномы полезли на стражу с кулаками. И тотчас эта кровь, разбавленная пивом, полилась на антрацитовый пол. Гоблины действовали беспощадно. Их мечи то и дело резали глотки и вспарывали животы, и гномы отхлынули. Держались только охранники с молотами, которых оказалось гораздо больше, чем замечал раньше Халт. Однако вскоре пали и они, и стражники врывались во все двери, выволакивая ничего не подозревающих игроков из малого зала и голых гномов, уединившихся со стриптизершами.

Все это произошло на глазах остолбеневшего потомка Хагена молниеносно. Он попытался спрятаться, но куда там! Все входы и выходы были перекрыты. Его собутыльники и Тори Гримсон куда-то исчезли, и Халт остался один среди мечущейся толпы.

Когда к нему подскочили трое гоблинов, заломили и связали руки – он не сопротивлялся. Это было бы глупо. Стражники были везде: в туннелях, у клети, на улице и даже в раздевалках; в копре дежурил, наверное, целый отряд. Очевидно, захват готовили долго и основательно, чтобы никого не упустить.

Гоблины быстро, один за другим, перехватили все стратегические пункты, так что гномы-шахтеры просто не имели возможности предупредить товарищей. Во дворе уже стояли цепочки из гномов, связанных по рукам и ногам и друг с другом. Халту тоже обмотали веревкой ноги, чтобы он мог шагать лишь неширокo, и поставили его в одну из цепочек. Ночная темнота мешала понять, кто рядом с ним и что происходит. Ругань стояла такая, что Халт не слышал собственных мыслей. Стражники разговаривали на всеобщем, но с таким акцентом, что понять их гортанные, тявкающие звуки можно было с трудом. Некоторые пленники пытались

вырваться, брыкались и кусались, но пять-шесть гоблинов быстро наводили порядок, оставляя после себя неподвижное тело, и спешили к другому очагу бурного неповиновения. Другие же гномы, наоборот, впали в отчаянье и причитали о горькой судьбинушке. От этих завываний становилось еще тошнее, чем от яростной ругани.

Вдруг цепочка Халта двинулась. Через некоторое время стало понятно, что ведут их в город.

– Куда нас? – шепотом спросил Халт ближайшего гнома.

– В темницу, куды ж ищо, – зло ответил тот.

– Мааалчать! – подскочил стражник и огрел гнома хлыстом. Тот зашипел от боли, но умолк, зато где-то сзади приглушенным шепотом сказали:

– Лягуха болотная!

– Кто это сказал?! – взвился гоблин, хлеща кого ни попадя. – Кто?! Отвечать!

Со всех сторон тянулись цепочки пленников. Халт попробовал посчитать их, но постоянно сбивался. По десять гномов в одной связке, таких связок он углядел больше десяти. Но в безлунную ночь легко было ошибиться. По его ощущениям, стража пленила гораздо больше гномов, чем на самом деле было в «Новом Квершлаге» в ту ночь. Впрочем, зная взаимную ненависть гоблинов и гномов, он бы не удивился, если бы хватали и обычных шахтеров, просто работавших в ту смену в ближайших штреках.

Когда их гнали по городу, Халт порадовался, что большинство жителей еще спят, хотя уже близился рассвет. Не хотелось, чтобы все глазели из окон и тыкали пальцем. «Никто же не знает, за что тебя схватили, виновен ли ты на самом деле; зато многие начинают относиться к тебе хуже, как только узнают, что ты попал в темницу», – думал он.

Халт не знал ни о совершенной системе передачи информации в подполье, ни о том, как сильно гномы ненавидели стражу и правителей. К тому времени как пленников ввели в город, весь гномий район стоял на ушах. Никто не вышел на улицу, опасаясь, что гоблины схватят и его, а то и просто прибьют, заявив потом, что он пытался устроить побег пленникам: был бы гном, а повод найдется. Но все прилипли к окнам – конечно, так, чтобы не выдать себя, – и пытались разглядеть лица пленников и составить списки. Родственники ушедших в смену тревожно вглядывались в силуэты, боясь и в то же время надеясь (значит, жив!) найти там брата, отца или деда; оставшиеся в городе подпольщики искали своих вожаков и товарищей; и все переписывали знакомых. Уже через несколько часов разрозненные списки будут сведены в единый, после чего старейшины решат, что делать. По каждой кандидатуре пройдут обсуждения. Кому-то, кто случайно попал под горячую руку стражникам, долгий срок не дадут, и, значит, за него можно не беспокоиться. А на кого-то гоблины охотятся уже давно, и понятно, что живым ему не выйти. Значит, надо срочно спасать.

Многие пленники знали об этом, поэтому нарочно поворачивались к каждому окну и даже поднимали лица, чтобы их лучше разглядели со вторых этажей. Но Халт всего этого не замечал, панически думая, что теперь-то уж точно все пропало. Из темницы его никто не вытащит, посадить могут надолго; он не только провалил дело, но еще и влип в историю. Ему еще ни разу не приходилось сидеть в темнице; он ни разу еще не сталкивался с серьезными проблемами и понимал, что не знает, что делать.

Пройдя гномий район, они свернули направо и попали туда, где Халт еще не бывал. Легкий запах нечистот, появившийся некоторое время назад, усилился. Несмотря на то, что пленных вели по широким улицам, между куч мусора лежали бездомные и пьяные. В грудах тряпья можно было опознать гоблинов, но попадались и другие расы, в том числе и люди. К бокам городских каменных домов жались полуразвалившиеся деревянные лачуги и мазанки, но не нарядного белого цвета, а серые. Редкие хмурые прохожие провожали пленников настороженными взглядами, прижимаясь к стенам домов. Халт порадовался, что эти люди не заглядывают

в гномий район, хотя живут у границы, и тут же понял почему: свои улицы патрулируют такие молодчики, как Тори Гримсон.

Каково же было его изумление, когда он увидел самый настоящий каменный замок! Высокая, крепкая стена со сторожевыми башнями опоясывала его. Дальняя часть стены выходила на Кальмиус. Стража вела пленников к главным воротам, куда уже входили цепочки связанных по десять гномов.

– Что это? – нарушив приказ гоблина, снова шепотом заговорил с соседом Халт.

– Владение гномов из рода Кибелдура и место Сбора общего Совета старейшин. Теперь – городская темница, – сплюнул тот.

Пройдя через ворота, они оказались во дворе. Там их ловко сортировали по непонятному принципу и переправляли дальше. Цепочка Халта прошла вперед, затем направо и, наконец, зашла в одну из сторожевых башен. Стражники пинками, хлыстами и руганью заставили гномов спуститься по каменным ступеням, после чего закрыли дверь, больше похожую на крышку. Лязгнула задвижка засова. Пленники остались в полной темноте подземелья.

– Осторожно!

– Да не толкайся!

– Эй! Ты мне на ногу наступил! – слышалось со всех сторон. Цепочка Халта оказалась не первой в этой темнице. Кто-то развязал потомку Хагена руки; повозившись, он сам освободил себе ноги.

Окон не было, но глаза начали привыкать к темноте. Стали различимы силуэты лежащих и сидящих на каменном полу. Со всех сторон раздавались бормотание, стоны, хрипы вперемешку с храпом и руганью.

– Ну и что делать? – задал вопрос никому и всем Халт.

– Ложись спать, – отозвался кто-то.

– Я серьезно, – обиделся потомок Хагена.

– И я серьезно. Не мешай уже, а?

Халт замолчал и полулег, привалившись к стене. Оказалось ужасно жестко и неудобно. Как в такой ситуации можно думать о сне? Нужно разрабатывать план побега! Наверняка дверь откроют, хотя бы чтобы покормить их, и тогда надо ударить – всем вместе! Они не сдадутся просто так!

На этой мысли Халт уснул.

Проснулся от необходимости срочно опорожнить мочевой пузырь. Однако как он ни искал, никакого подобия дыры в полу или ночного горшка не обнаружил.

– Извините, а где тут… эээ… нужник? – поинтересовался он у соседа. Тот сидел с открытыми глазами, но явно был не здесь. Несколько долгих секунд он пытался понять, о чем его спрашивают, затем махнул рукой:

– Везде! – и задумался вновь.

В это время Халт увидел, как в противоположном углу гном справляет малую нужду. Когда тот закончил, Халт спросил про нужник у него.

– Эти зеленые ублюдки специально не делают его в темницах для гномов. Сами живут в дерьме и хотят, чтобы мы жили так же! Чтоб сидели в собственном зловонии. Вроде как это сломит наш дух. Но, клянусь своей бородой, это только укрепит его!

В подземелье невозможно было определить, сколько прошло времени. Халту казалось, что их давно должны были накормить или хотя бы дать воды, но дверь-крышка не открывалась. Стоило пока придумать легенду о себе – не рассказывать же правду гоблинам! Халт решил притвориться сыном торговца оружием из мира под названием Вемсте. Однажды, еще подростком, он побывал там с отцом, поэтому на элементарные вопросы ответить сможет. Имя решил оставить свое, отца назвал Эребом. Сам он якобы не хотел становиться торговцем, на чем настаивал отец, поэтому сбежал и путешествует по мирам. В Антараксе он недавно, в одном из трак-

тиров познакомился с гномом, тот и привел его в «Новый квершлаг». Сложнее всего оказалось придумать имя тому самому гному. Никого из знакомых подставлять не хотелось, а с изобретением нового могли возникнуть проблемы: во-первых, местная стража может уличить его во лжи, во-вторых, так можно подставить совершенно незнакомого гнома. В итоге Халт решил, что его собутыльника будут звать Тилли – довольно популярное тут имя, как он заметил.

На второй или третий день (по счету узников) моральный дух был если не сломлен, то близок к этому. Желания разговаривать или думать о чем-то важном не возникало, хотелось только пить. Иногда еще и есть, но голод почти притупился. В подземелье ничего не происходило. Гномы лежали на полу вповалку, полузабытье сменял сон. Халт сходил с ума от безделья и неопределенности. Поначалу его еще раздражал ужасный запах немытых гномьих тел и нужника, но теперь он его даже не замечал.

Он вспомнил, как сбежал с Хединсея на Терру. Вообще-то ему было все равно куда. Главное – лишь бы подальше от отца. Набив сумку золотом и драгоценными камнями, пока Глойфрид был в море, он встретился со странствующим магом, пообещав заплатить двойную цену за молчание. Маг и предложил ему закрытый мир, где не действует магия, а значит, папенька не сможет до него дотянуться.

Нельзя сказать, что Терра была неизвестна на Хьерварде – Халт перед отправкой даже прочел несколько книг, подробно рассказывающих о тамошней жизни. Просто этот мир был совсем не популярен, хотя несколько хединсейцев жили там. С одним из них – Бейниром из рода Хродвальта – и свел его маг. Довольно бедный, ничем не выдающийся род, у которого с Глойфридом не было никаких отношений, кроме вассальства. Именно рыжий Бейнир – гуляка и бабник – показал ему все бары и ночные клубы Москвы. Именно он знакомил поначалу его с девушками и пристрастил к текиле. Он помогал покупать поддельные паспорт и права, выбирать машину и учил водить. Халт закрывал глаза на то, что Бейнир (на Терре его звали Борис) постоянно брал у него деньги. Вряд ли у сына Глойфрида, воспитанного в казарменных условиях, хватило бы духу нырнуть в такую жизнь самостоятельно, так что он расценивал это как плату за услугу по смене образа жизни. Никаких ежедневных тренировок с оружием, можно спать до обеда, можно напиваться до беспамятства, никто не орет, а девушки сами бросаются ему в объятия? Да за такое можно заплатить даже намного больше! Халт нырнул в такую жизнь с головой, наслаждаясь и зализывая обиды. Пусть он никчемный трус, но он тоже имеет право на счастье!

Смешно, но у него до побега на Терру никогда не было девушки. Бордели его не интересовали, а чтобы завязать романтические отношения, нужно свободное время, которого отец ему не предоставлял. «Не заслужил», – сдвигал он брови и гнал снова отрабатывать удары. Лишь на обязательных балах он видел юных дам и боялся их больше, чем отца. Как себя с ними вести? Они странно косили глазами, не поднимая на него взгляда, и хихикали. Чего они хотят??? Да, конечно, он исправно, как того требовал этикет, приглашал их на танцы, разговаривал, как того требовал этикет, о погоде, но на этом все заканчивалось. Подростком он читал книги о страсти и любви, но отец однажды это обнаружил и устроил такую выволочку, что с тех пор ничего, кроме трактатов о войне, в его комнате не было.

В ночных клубах Терры все оказалось по-другому. Несколько рюмок текилы, громкая музыка и оголенные части тел действовали магически: Халт переставал думать, он начинал повиноваться чувствам. К тому же дамы тут тоже были другими. Они не хихикали и не ждали, когда их пригласят на танец, а от разговоров о погоде фыркали. Они просто подходили к Халту, говорили, что он красавчик, взъерошивали копну его соломенных волос и целовали в губы. Поначалу сын Глойфрида шарахался, но Бейнир объяснил, что тут это считается нормальным, что дамы эти вполне достойных родов, так что, если принять небольшие меры предосторожности – проблем не будет. Проблем действительно не было.

Халту нравилась такая жизнь, но довольно быстро он вдруг обнаружил, что ему скучно. Каждый день одно и то же. Менялись лишь клубы и девушки. Да, он сбежал от отца, и никто больше не твердил ему о предназначении, но он не сбежал от себя. Пока он тут валяет дурака и бесцельно тратит время, в другом месте, возможно, идет битва, принять участие в которой – его долг. Предположим, он наплюет на долг, наплюет на честь своего рода, на собственное достоинство и останется здесь навсегда. Но будет ли он счастлив от такой жизни? Через полгода пьянок и развлечений он начал в этом сомневаться. Вот тогда его и нашел Аркадий Михайлович.

Неожиданно раздался скрежет засова, и в подземелье ворвался свет.

– Выходи по десять! – протявкали сверху.

Светило солнце, и Халт вскинул к лицу ладони: отвыкнув от света, глаза слезились и болели. Стражники не стали связывать пленников, решив, что, обессиленные, они все равно никуда не денутся из кишащей стражей темницы.

Действительно, гномы даже не делали попыток удрать. Их ввели в большой каменный зал с узорчатым сводом. Свет проникал через узкие оконца и мягко рассеивался, щадя зрение. Халт поднял голову и поразился красоте узоров и умению мастера, их наносившего. Этот зал явно не предназначался для вынесения приговоров узникам. В стене был камин, такой огромный, что в нем можно было зажарить свинью. Комья грязи, отвалившиеся от сапог шахтеров, пачкали пол из розового мрамора.

За большим резным столом красного дерева, несомненно оставшимся от прежних владельцев замка, восседали двое гоблинов в золотистых туниках с гербовыми нашивками. Третий, явно не стражник, в черном шелковом хитоне, доходящем до его кривых темно-оливковых колен, стоял за ними. Вел он себя как хозяин темницы. Похоже, воинам это не нравилось, но они ничего не могли поделать. Ему что-то постоянно нашептывал человек, закутанный в черный плащ без опознавательных знаков; надетый капюшон скрывал его лицо.

Две угрюмые зеленые рожи охраняли Халта с обеих сторон, несколько стражников бродили по углам. Пленник смог хорошо рассмотреть гоблинов. В этом мире их рост составлял около вершка, то есть выше любого гнома, но ниже человека и альва. Темно-оливковым цветом гоблины и правда походили на болотную лягушку. Когда они говорили – виднелся ряд мелких острых зубов, но заметнее всего выделялись большие островерхие уши и желтые кошачьи глаза. Впечатление гоблины производили мерзейшее – хуже, чем голые гномихи.

На Халта они не обращали внимания, переговариваясь на своем языке. Звучал их разговор примерно так: «Кьяхья бьябхьяхьякьякьюб бьяхбя'ххьярхьюб кьяхьябьябхья кьябьюр рьюрьюрьяхьяр». Наконец один из двух в золотистых туниках сделал знак, чтобы пленника подвели.

– Имя, откуда родом, где живешь? – протявкал он на всеобщем.

Халт рассказал придуманную историю своей жизни.

– Ты обвиняешься в незаконном посещении запрещенного места, незаконной игре в запрещенные азартные игры и незаконной связи с гномихами в доме разврата. – Гоблин не проявил никакого интереса к истории и не стал задумываться о сути сказанного. Обвинять человека в связи с женщиной-гномом – просто смешно! Еще бы в связях с женщиной-гоблином обвинили! Да у нормального мужчины его орган для «связи» просто сожмется и втянется в живот при виде этих страшилищ! Но судье было все равно.

– Поскольку это первое твое нарушение городских правил, мы выносим тебе предупреждение и назначаем наказание – пятнадцать суток темницы.

В этот момент человек в черном что-то зашептал гоблину в черном, тот кивнул и подозвал охранников. Пролаял им приказ, и те метнулись обыскивать Халта. Холодные зеленые руки нащупали амулет перехода, спрятанный под рубашкой. Халт дернулся, но его крепко дер-

жали, так что цепочку с амулетом сняли через голову и узник никак не мог этому помешать. Тем временем другой стражник вывернул его карманы, забрав деньги. На монеты ни человек, ни главный гоблин не обратили внимания, а амулет их явно заинтересовал.

– Халт, сын Эреба, владеешь ли ты магией?

– Немного, – замялся тот. Он не знал, что сейчас лучше: сказать правду или соврать. Почему вдруг им заинтересовался черный? И кто он? И как он теперь без амулета вернется на Терру?

Тот снова что-то зашептал гоблину, но на сей раз гоблин не согласился. Пока шла перепалка, Халт пытался придумать способ вернуть амулет, но ни одной стоящей идеи в голову не пришло. Наконец, те ударили по рукам, и обвинитель протявкал:

– Наказание в пятнадцать суток заменяется общественными работами на Арене в течение двух месяцев.

Черный подозвал стражника и что-то сказал ему, указывая на заключенного. На груди, там, где у стражи была гербовая нашивка, у этого красовался знак из восьми стрел, направленных в разные стороны. Стражник, больно схватив Халта за плечо, потащил его к выходу. Они прошли по залитому солнцем двору, вышли через главные ворота и направились к длинной черной карете, запряженной двумя вороными. Дверь кареты украшал все тот же знак: черные с серебристым отливом стрелы, расходящиеся во все стороны. На козлах сидел возница-гоблин в желтом хитоне.

– Хья кья бьябхья! – крикнул ему страж.

– Рью рья хьяр, – ответил тот и слез. Порылся в мешочке, привязанном к поясу, вытащил ключ, отпер дверь кареты. Стражник отправил Халта внутрь пинком под зад. Под оглушительный хохот дверь за ним захлопнулась.

В карете оказалось с десяток гномов.

– Тьфу, человек! – злобно отозвался один. – Прибил бы, да неохота с трупом ехать.

– Погоди, – произнес другой. – Я его помню, его Таран привел в «Новый Квершлаг», сказал, он его друг.

– Правда, что ли?

– Да вроде…

– Эй, человек, ты правда друг Тарана?

– Да.

– А как его зовут? – ехидно поинтересовался гном.

– Торион Гримсон. А сестру – Томила, – ответил Халт и назвал их адрес.

– Кажись, и правда он. Ну, тогда приветствую тебя, несчастный.

– Почему несчастный? – напрягся Халт.

– Потому что ты тоже попадешь на Арену.

– Что такое Арена?

– Ты правда не знаешь? И ни разу не видел? – удивился гном.

– Я не так давно в вашем городе…

– Пффф! – фыркнул тот. – В НАШЕМ городе этой гадости не было. Ее построили альвы и люди! Ничего больше за все сто лет не построили, а Арену соорудили всего лет за пять. Гигантская стройка была!

– Чем же она плоха?

– Там убивают.

– Что?! Как это – убивают? Зачем убивают?

– Как? По-разному. Дадут в руки меч и выпустят на тебя трех грифонов, например. Или троллей. Или вообще левкрокоту или саламандру. Да мало ли в разных мирах тварей? И самых злобных и опасных они собрали на Арене.

– Зачем?!

– Не знаю. Говорят, развлечь жителей города. Мне же кажется – чтобы потешить самолюбие, насладиться кровью и болью. Они – порождения тьмы, вот что я скажу!

– Кто – «они»? – спросил Халт, холодея.

– Те, кто создал Арену. Маги культа Черного солнца.

Возница щелкнул кнутом, карета дернулась, и потомок Хагена упал от рывка. Маги! Может быть, магические выбросы – их рук дело? Мозг заработал с утроенной скоростью. Вот оно! Кажется, он нащупал ниточку! Гномы же истолковали его выражение лица по-своему.

– Эй, парень, ты чего? Испугался? Дык не нас же убивать будут. Нам же кровь за трупами убирать…

– В смысле?

– Ну, кто-то должен их обслуживать. Мыть арену и раздевалку, хоронить убитых, ухаживать за магическими животными, чистить оружие и выгребную яму, таскать воду и так далее.

– А кого убивают на Арене?

– Да кого ни попадя. Приговоренных к смерти, пленных, неугодных, храмовых жертв… да мало ли!

– Что еще за храмовые жертвы? – У Халта уже голова кругом шла от обилия новой информации.

– Дык в Храме Черного солнца постоянно какие-то жертвоприношения.

– У Храма Черного солнца символ восемь стрел?

– Они самые, – кивнул гном. – Ладно, не боись, нам-то ничего не грозит. Все равно мерзость, конечно, но че уж поделать…

Глава пятая

Арена подавляла. Огромное каменное сооружение саженей сто в длину и около пятнадцати в высоту – практически футбольный стадион с Терры! Их высадили у главного входа; справа и слева виднелись ворота поменьше. Толком рассмотреть Арену не удалось: их уже ждали. Тут они были не гостями, а пленниками, о чем гоблины тут же напомнили с помощью кнутов.

Их повели внутрь и вниз по широким каменным ступеням – помещение больше походило не на темницу, а на подземный этаж. Шаги гулким эхом отдавались от каменных стен, приятная прохлада после полуденного солнца казалась блаженством. Охранники молча завели их в просторную комнату, освещенную четырьмя факелами, и ушли. Халт осмотрелся. Вдоль стены на разной высоте, под рост различных рас, висели странные приспособления, напоминающие деревянные колодки для шеи. На широком столе в дальнем углу были аккуратно разложены инструменты: от железных больших щипцов до маленьких, ни на что не похожих стеклянных палочек.

В стене напротив открылась дверь, и в комнату вошли двое в черных подпоясанных хитонах со знаком восьми стрел на груди. Один направился к столу с инструментами, другой встал напротив пленников, скрестив руки. Казалось бы, гоблин, во что его ни одень, всегда останется зеленым земноводным, но нет. Последнее, о чем подумал бы сейчас Халт, – это лягушки. Он понял, что перед ним стоят существа, которые вершат судьбы многих и прекрасно это осознают.

– Вы удостоились огромной чести стать причастными к великому делу, к великому служению, – заговорил тот, кто стоял напротив. – Многие мечтают узреть Арену изнутри, подивиться невиданным животным, собранным тут из множества миров, пожать руку победителю и прикоснуться к таинству Игры. Именно вам выпал этот шанс. Для начала хочу спросить: есть ли среди вас маги? Не стесняйтесь, если обладаете лишь малой частью этой силы. Мы будем рады любому. Обещаю, что служба мага пройдет более приятно и интересно. Маги выполняют специальное задание. Для них всегда найдутся мягкие диваны, собственный экипаж на время служения и прочие приятные безделицы.

Все молчали. Потомок Хагена и так не доверял гоблинам, а после таких сладких речей о том, как они приветят магов, решил верить еще меньше. Зачем культу Черного солнца пленники-маги? С чего это вдруг им дадут собственный экипаж? Слишком похоже на мышеловку. Халт уже пожалел, что признался в магических способностях.

Черный обвел всех пристальным взглядом, заглядывая в глаза каждому. Халт еще при входе на Арену на всякий случай поставил защиту от узнавания. Несложное заклинание, но работает лишь у слабеньких магов. Сильному практически невозможно скрыть свою сущность: ведь для этого он использует магию, по которой его так просто опознать. Слабое же заклинание, которое заметить нельзя, не скроет сильного мага, но прекрасно спрячет слабого. Насколько искусно Халт его использовал? Это сейчас и предстояло выяснить.

– Ну что ж, если магов среди вас нет, мы найдем другую работу. Попроще, но тоже очень почетную. Встаньте сюда. – Гоблин указал на стену с колодками.

Халт в окружении гномов неуверенно шагнул вперед и остановился. Их хотят заковать в цепи? Может, пора начинать сопротивляться до последнего?

– Не бойтесь, я вам не причиню вреда, – протявкал гоблин. – Это стандартная процедура, абсолютно безболезненная. Мы просто поставим метку, чтобы вы не могли сбежать. После работы на Арене она сама исчезнет.

– Ошейник наденут, – проворчал кто-то из гномов.

– Ну, какой же это ошейник? – ласково возразил гоблин. – Просто метка.

Гномы со вздохом просунули головы в колодки. Халту все это очень не нравилось. Что еще за ошейник? Он, потомок Хагена, сын Глойфрида и выходец из древнего уважаемого рода, будет ходить в ошейнике? Впрочем, колебался он недолго и, увидев, что остался один, тоже влез в деревянные колодки.

Тем временем к ним подошел второй гоблин со связкой черных широких лент из странного материала. Он ловко накидывал их гномам на шеи, действительно делая подобие ошейника. Очередь дошла и до Халта. Лента холодила кожу, но больше он ничего не ощутил. А первый гоблин продолжал:

– Сейчас мы подберем каждому рабочее место на следующие два месяца. Вы будете приходить сюда к восьми утра и уходить в девять вечера. Метка не доставит никаких неудобств, если вы будете прилежно и добросовестно трудиться. Можете делать с ней что угодно – боли она не причинит. Но если захотите сбежать – берегитесь. Опоздание на работу на пять минут, и она начнет покалывать шею, через десять минут – сожмется, через пятнадцать – неудобство станет весьма велико, а через двадцать – вы просто не сможете дышать. То же самое касается ранних уходов домой. Не забывайте, ваша работа заканчивается в девять и ни минутой раньше. Вот, собственно, и все правила. Они довольно просты, – улыбнулся черный, показывая ряд мелких зубов. От этого стало совсем жутко.

Второй гоблин прошелся еще раз вдоль пленников, выдергивая ленты и освобождая от колодок. Халт потрогал шею. Вокруг нее чувствовалось небольшое магическое поле, которое, с одной стороны, держало форму, а с другой – пропускало сквозь себя, например, пальцы. На всех гномах были такие же ошейники: черные, неширокие, чуть больше перста в ширину, легкие и прочные.

– А теперь прошу за мной, – сказал гоблин. – Покажу вашу работу.

По тому же каменному коридору они отправились дальше, потом несколько раз свернули и оказались на арене для боев. Халт видел на Терре фильмы о гладиаторах, сражавшихся на потеху публике, слышал о римском Колизее. Сейчас ему показалось, что он попал именно туда. Под ногами заскрипел песок, в нос ударил запах крови. Чуть поодаль валялось несколько разорванных пополам половинчиков. Халту доводилось видеть трупы, но сейчас он судорожно сглотнул. Казалось, их взяло в лапы какое-то огромное чудище и просто порвало, как плюшевых зайцев. Он отвернулся.

Овальная арена имела два входа: дверь, через которую они вошли, и ворота рядом. Над ареной поднимались бесконечные ряды каменных сидений, с верхних ярусов посматривали стражники, какие-то работяги копошились, не разгибая спин, но снизу сложно было понять, что они делают. Зато Халт прекрасно разглядел напротив него несколько задрапированных красным лож, видимо, для особо уважаемых гостей, и непонятное сооружение: белый столб в человеческий рост с черным гладким каменным шаром наверху. Он решил, что это либо украшение, либо символ Арены.

– Двое – ты и ты, – будете убирать арену между боями, – черный тыкал пальцем в гномов, – еще четверо – зрительские ряды.

Тут же к отобранным гномам подскочил гоблин в желтом хитоне, по-видимому мастер, отвел в сторону и начал что-то бурчать, размахивая зелеными руками. Остальные же пошли обратно в коридор за своим проводником.

Вначале послышался львиный рык, который, отразившись эхом от каменных стен тунеля, оглушительно ударил по барабанным перепонкам. Пленники зажали ладонями уши. Затем стало невозможно дышать от вони, и вскоре они вошли в кошмарный зверинец.

Здесь действительно собрали самых ужасных монстров всех миров. По обе стороны коридора в денниках, привязанные за ногу, стояли перитоны. Эти фиолетовые полуолени-полуптицы уныло жевали сено, не поднимая голов. Присмотревшись, Халт увидел, что их огромные лебединые крылья не просто сложены за спиной, но и связаны веревкой. Оленьи рога упира-

лись в стену соседнего денника. Перитонов сменили еще более диковинные создания: левкрокоты. Халт ни разу не видел живую левкрокоту, хотя читал о них, так что узнал по описанию: оленье тело и ноги, но львиные шея и хвост, а голова барсучья. Они издавали нечто среднее между фырканьем и рыком и злобно били копытом, готовые броситься на любого. Халт знал, что, как и угрюмые на вид перитоны, левкрокоты очень опасны. Нападая, они любым возможным способом пытаются умертвить жертву.

В этом большом подземном зале, поделенном коридорами на сектора, похоже, содержались копытные – по крайней мере, все видимое пространство заполняли денники, странное ржание и запах конского навоза, а в углу лежали охапки сена и большие корзины с овсом.

Однако тут пленники не задержались – их привели в следующее помещение. Лица обдало жаром; казалось, камни вокруг раскалены. Первое, что заметили вошедшие, – четыре горящих уголька.

– Ого! – не удержался Халт. – Амфисбена!

– Знакомая тварь? – с интересом спросил черный.

– Немного, – пробормотал пленник, мысленно ругая себя за длинный язык.

Змея с двумя головами по обоим концам темно-зеленого тела, как свойственно всем змеям, не моргая глядела двумя парами рубиновых глаз, светящихся в полумраке как факелы. От нее шел нестерпимый жар. Халт знал, что сейчас даже до металлических прутьев внешнего ряда двойной решетки лучше не дотрагиваться – обожжешься. Рассерженные амфисбены превращаются в раскаленную печь, а сердиты они часто, ведь две головы могут спать и бодрствовать по очереди.

Змей и ящеров прошли быстро. Помещение, как и предыдущее, поражало размерами, но служитель Хаоса торопился, да и у пленников не возникало желания замедлить шаг. Войдя в следующий каменный зал, Халт едва сдержал возглас. Грифоны! Огромные создания с телом льва, головой и крыльями орла. Здесь они были всех видов и размеров: от классических песочных до более редких черных и уникального белого! Клетки, хотя и не маленькие, были явно тесны для крылатых львов. Кто-то в своей метался, каждые три-четыре шага упираясь в прутья, кто-то лежал тихо, косясь на пришельцев недобрыми синими глазами.

Здесь их в глубоком поклоне уже ждал очередной мастер в желтом хитоне, а в углу, подальше от глаз начальства, стоял, опершись на черенок лопаты, гном в черном ошейнике.

– Двое, ты и ты, останетесь ухаживать за зверинцем. – Служитель культа ткнул в Халта и соседнего с ним гнома, после чего ушел с двумя оставшимися пленниками.

– Меня зззовут Гррудаш, – с ужасным акцентом, растягивая согласные, пробормотал гоблин на всеобщем. Очевидно, слова давались ему с трудом. – Я ваш хоссяин. Меня сслушать!

Слушать было тяжело: белый грифон с черными крыльями оглушительно заклекотал, замахал крыльями, пытаясь взлететь. Его поддержали товарищи по несчастью, со всех сторон раздались птичьи крики, будто сошедший с ума духовой оркестр начал играть, соревнуясь, у кого выйдет хуже и громче. «Как вообще можно находиться в таком гаме?» – в отчаянье подумал Халт.

– Ссавтрра пррийти в воссемь. Убиррать клетки. Коррмить. Поить. Чисстить шшивотных.

– Эй! Да он же меня сожрет, если я войду в клетку! – возмутился гном, косясь на ближайшего грифона.

Мастер смерил его презрительным взглядом:

– Хоррошшо. Ссначит, день поссле этого его нне коррмить.

Халт похолодел. Ну ладно, грифон. Ему можно кидать куски мяса через прутья решетки. Но как накормить амфисбену? Она отгорожена такой мелкой сеткой, что никакую еду через нее не пропихнешь. Значит, нужно входить в клеть? Да один укус амфисбены смертелен! А бросок этой гадины – молниеносный. Но задавать вопросы он благоразумно не стал.

Когда покинул Арену по короткому туннелю, показанному мастером Грудашем, из груди все же вырвался вздох облегчения. Тело мигом вспомнило, что эти дни он не ел, не пил и практически не спал, в мозгу родились видения бочки с водой, куда можно залезть, чтобы помыться, и о чистом белье. До завтрашнего утра он свободен!

Гнома, волею случая оказавшегося напарником Халта, звали Рыжебород. При свете дня его длинная борода казалась даже не рыжей, а золотистой, и хотя Халт плохо определял возраст гномов, он все же решил, что его напарник молод.

– Где мы? Где гномий район? – спросил он, озираясь. Здесь Халт тоже не бывал, так что даже не представлял, в какой стороне его мансарда.

– Да через гоблинский пройдем и будем дома.

– Через гоблинский? Ты уверен, что это безопасно? – Халт вспомнил озлобленные глаза, страшную нищету и грязь и решил, что не рискнет туда соваться даже днем.

Рыжебород хмыкнул:

– Я ж из «Летучей гвардии»! Что мне какие-то гоблины!

Это, конечно, успокаивало, но не до конца. Их двое, а гоблинов – сотни.

– Ладно, давай только что-нибудь выпьем. Да и пожрать охота, – сказал он, но тут же нахмурился. В темнице у него не только отняли амулет, но и выскребли все деньги.

– Знаю тут отличную пивную! – откликнулся Рыжебород. – Гномы держат. Пошли. Угощаю, – добавил он, увидев сдвинутые брови.

Арена накладывала отпечаток на весь квартал. Огромное количество трактиров и постоялых дворов, объявления о возможности снять комнату на время игр, толстые коты, лениво переходящие от одной мясной лавки к другой, сувенирные лавки с безделушками. Игры, как понял Халт, проходили обычно раз в неделю, по воскресеньям, но иногда, во время больших праздников, устраивались чаще и длились несколько дней. Билет можно было купить как заранее, так и в день игр. Самые дешевые стоили совсем гроши: по цене двух кружек пива. Но их брали либо бедняки, либо обладатели очень хорошего зрения, ибо различить с верхних ярусов, что происходит на арене, было трудно. Чем ниже место, тем дороже. Первые ряды могли себе позволить лишь богачи, а места в тех самых задрапированных ложах вообще не продавались.

Рыжебород объяснил, что гномы, за редким исключением, на Арену не ходят и при ее упоминании плюются и ругаются, ибо считают мерзостью несусветной. А вот остальные расы посещают Игры с удовольствием…

Пиво действительно оказалось очень вкусным, хотя сейчас Халту любое пойло могло показаться нектаром. После двух кружек стало не так страшно идти через гоблинский квартал.

– А вот ошейники я бы посоветовал вам прикрыть, – бросил владелец таверны, когда гости уже собрались уходить.

– Почему? – удивился Рыжебород.

– На некоторых они действуют как красная тряпка. Поймают вас и даже бить не будут, просто подержат до утра и с наслаждением посмотрят, как он вас душит за опоздание на работу.

Рыжебород и Халт переглянулись. Слова гнома звучали здраво, вот только прикрыться было нечем. Сын Глойфрида уже решил оторвать низ рубахи, но трактирщик протянул два широких длинных шарфа.

– И передавайте от меня поклон Седому.

Рыжебород кивнул, наматывая шарф на шею. Оружия у них с собой не было, так что по дороге товарищи по несчастью подыскали крепкие палки. Подействовал ли боевой вид напарников или что-то еще, но в квартале гоблинов никто на них не напал. Некоторые шипели, пару раз даже кинули горстями сухой земли, но и только.

Войдя в гномий район, Халт вздохнул с облегчением. Правда, от мысли, что целых два месяца придется проходить здесь дважды в день, настроение опять испортилось. Он поделился

опасениями с Рыжебородом. Пиво уже выветрилось, поэтому тот тоже признал, что эта перспектива его не радует.

– Есть другой путь до Арены, но он кружной. Надо пройти через рынок, потом по мосту через Кальмиус, потом через весь центральный район. Это втрое больше времени. И мне совсем не хочется смотреть на альвов!

– Альвы тебя хотя бы не прибьют, – пробурчал Халт.

– Нет, ты не понимаешь! Я их ненавижу больше, чем гоблинов! Они выгнали нас из домов, захватили наш город, привели сюда это мерзкое зеленое отродье, построили Арену… Когда я вижу альва – у меня кровь вскипает.

– По мне, так лучше смотреть на врагов, чем биться с ними.

– Ты не воин, – махнул рукой Рыжебород. – Это же самая ужасная пытка: смотреть на врага и не мочь вступить в ним в бой!

«Да, я не воин, – грустно думал Халт. – Наверное, я трус, как считает отец».

Поднявшись в мансарду, он с наслаждением скинул пропахшую потом грязную одежду и залез с головой в бочку с водой. Тут его и захлестнули воспоминания, растревоженные Рыжебородом.

Детство для него кончилось в шесть. Именно тогда в дом пришли старцы в белых мантиях с летящим соколом и долго о чем-то спорили с отцом. Позвали даже маленького Халта, задавали дурацкие вопросы, разглядывали его, сравнивая с описанием в какой-то книге. Отец вроде бы возражал, они настаивали. Мальчика попросили уйти, но его любопытство разгорелось. Он прекрасно знал, куда нужно залезть, чтобы слышать и даже немного видеть через щелку, что происходит в зале для приемов.

– А я вам говорю, что это не он! Я же знаю своего сына! – Грозный, никогда не улыбающийся Глойфрид ходит вперед-назад, заложив руки за спину. Меч, с которым он никогда не расстается, привычно болтается на поясе.

– Мы не ставим под сомнение вашу осведомленность, Глойфрид Хединсейский, но мальчику всего шесть. Неудивительно, что в этом возрасте предсказанные качества еще не проявились. Но мы уверены, придет время – и вы убедитесь в нашей правоте.

– Халт – великий воин, способный противостоять Хаосу? Да чушь полная! Он с визгом убегает от мышей, как девчонка! В шесть лет наш предок Хаген потребовал от Хедина научить его драться, а в восемь взял жизнь своего первого врага – матерого волка, оказавшись против него с одним-единственным детским ножом. Да и на моей совести к этим годам было несколько ранений и уйма драк. А Халт может похвастаться лишь тем, что научил щенка сидеть да что ориентируется в лесу лучше, чем в замке.

– Он еще научится.

Глойфрид фыркнул. Остановился. Обвел взглядом троих старцев.

– С превеликим уважением к вам… но все же вы не воины, а потому можете не знать, что это такое. Воин – это не умение махать мечом, это состояние души, суть человека. Невозможно представить себе воина, который говорит: «Я не могу идти на поединок – у меня дом, семья, собака не кормлена, мне не до вашей войны!» Воин обязан идти именно туда, где трудно. Обычный человек слаб, он плывет по течению и в борьбу не вступает. Обычный человек не только не вступает в борьбу, он всячески стремится ее избежать. Нужно БЫТЬ воином, чтобы ХОТЕТЬ сражения. Вот если я сейчас пну вас, что вы сделаете?

Старцы недоуменно переглянулись. Затем один ответил:

– Попробуем выяснить, почему это произошло. Возможно, вы это сделали по ошибке…

– А если вы пнете меня, то я тут же отрублю вам голову. Так понятно?

Гости ошарашенно замолчали. Затем один встал:

– Если вы хотите, чтобы мы немедленно…

Глойфрид выставил руку ладонью вперед, призывая их замолчать.

– Я не хотел вас оскорбить, прошу прощения, если вы как-то иначе поняли меня. Я просто пытаюсь объяснить, что воинами не становятся, а рождаются. Я знаю воинов, которые вообще ни разу не брали в руки меч. Они – исследователи или даже торговцы, но они не боятся трудностей, а смело встречают их. Есть люди, которых никто не учил сражаться, но если загнать их в угол – они начинают защищаться, бьются как могут. Есть же люди, которые боятся действовать: пусть даже его убивают – он как мышь забьется в угол и будет ждать, когда все закончится. Так вот, первые – это воины, и если их учить – из них действительно могут вырасти великие. Вторые же что ни делай, так и останутся трусами. Они могут стать прекрасными землепашцами, торговцами, даже священнослужителями, но из них не получится воин, способный противостоять Хаосу. И, как ни прискорбно говорить такое, мой сын относится ко вторым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.